

HISTORIA ROSSICA

ИДЕИ ПАОЛО САРТОРИ
О
СПРАВЕДЛИВОСТИ

ШАРИАТ И КУЛЬТУРНЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ
ТУРКЕСТАНЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Паоло Сартори

**Идеи о справедливости: шариат
и культурные изменения
в русском Туркестане**

«НЛО»

2017

УДК 34(57)«19»
ББК 67.3(2)52

Сартори П.

Идеи о справедливости: шариат и культурные изменения в русском Туркестане / П. Сартори — «НЛО», 2017 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2085-8

Опыт нахождения в составе Российской империи оказал огромное влияние на правовое сознание и юридические практики мусульман Средней Азии. Взаимодействие с колониальными властями изменило отношение жителей региона к своим правам и судопроизводству, а результаты этих изменений проявились как на институциональном уровне, так и на уровне правовой культуры населения. В своей книге Паоло Сартори демонстрирует, как функционировало и трансформировалось в повседневности правовое сознание мусульман в условиях деятельности колониальной администрации. Опираясь на концепции постколониализма, глобальной истории и правового плюрализма, автор стремится подвергнуть пересмотру доминирующие в современной историографии взгляды на колониальную историю региона в целом и историю права в Средней Азии в частности. Исследование основано на богатом материале архивов Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и России и охватывает период с конца XVIII века до падения империи Романовых. Паоло Сартори — сотрудник Академии наук Австрии, редактор журнала «Journal of the Economic and Social History of the Orient».

УДК 34(57)«19»
ББК 67.3(2)52

ISBN 978-5-4448-2085-8

© Сартори П., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Благодарности	7
Транслитерация и терминология	9
Аббревиатуры	10
Введение	12
1. Право и колониализм	17
2. Правосознание	22
3. Сравнительный анализ	25
4. Источники	40
5. Содержание книги	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Паоло Сартори
Идеи о справедливости
Шариат и культурные
изменения в русском Туркестане

Paolo Sartori

Visions of Justice. Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia

* * *

© П. Сартори, 2017, 2022

© Д. Даур, перевод с английского, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Благодарности

Работая над данной книгой, я успел накопить множество долгов перед разными людьми и институтами. Без поддержки моих коллег и дружественных учреждений «Идеи о справедливости» никогда бы не увидели свет. Я благодарю фонд Герды Хенкель, фонд Фольксвагена, Австрийский научный фонд (FWF), Немецкий научный фонд (DFG), Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC в Ташкенте), программу CARTI (Инициатива в области исследований и профессиональной подготовки исследователей Центральной Азии и Кавказа) Института «Открытое общество» (Будапешт), а также Австрийскую академию наук за материальную поддержку моих исследований в Европе, России и Средней Азии.

Начало данной книге было положено в 2007 году. Тогда благодаря стипендиальной программе фонда Фольксвагена я на четыре года стал научным работником Университета им. Мартина Лютера в Галле в Германии. Там мне представилась честь работать с Юргеном Паулем, чья эрудиция и страстная увлеченность всем, что касается Средней Азии, многие годы были для меня величайшим вдохновением. Благодаря моим коллегам Фолькеру Адаму, Бекиму Агаю, Ильдико Беллер-Ханн, Иоганну Бюссову, Жанин Дагъели, Ральфу Эльгеру, Курту Францу, Крису Ханну, Асме Хилали, Кристиану Мюллеру, Франческе Петрикке, Надеру Пурнакчебанду, Филиппу Рейхмуту, Кристине Турцер и Вольфгангу Хольцварту мое пребывание в городе Галле стало увлекательным опытом плодотворного сотрудничества. Благодарю вас за щедрость и терпение!

Весной 2012 года, преподавая в качестве приглашенного профессора Высшей школы социальных наук в Париже, я наконец понял, какими должны быть общие очертания данной книги. Я благодарю Алена Блюма, Ранди Дегильем, Изабель Оайон, Алессандро Станциани и Жюльена Торе за организацию исследовательских семинаров, где я провел первые испытания материала, позже ставшего главами 2, 4 и 5 данной книги. За последние годы я получил множество приглашений представить свою работу в разных университетах и исследовательских институтах. Именно эти приглашения и стали стимулом для завершения книги. Первые версии некоторых глав прозвучали в аудиториях Лейденского университета, Ливерпульского университета, Университета исмаилитских исследований (Лондон), Мемориального музея и библиотеки Неру (Нью-Дели), Университета Бен-Гуриона в Негеве, Узбекской академии наук (Ташкент), Эксетерского, Гарвардского и Индианского университетов. Комментарии слушателей подготовили мне почву для дальнейшей работы над этим материалом.

Последние несколько лет я работаю в Институте иранистики Австрийской академии наук. Я безмерно благодарен директору института Флориану Шварцу за возможность сосредоточиться на моих исследованиях, а также за стимулирующую к научной деятельности академическую обстановку, где исследователь Средней Азии может чувствовать себя как дома. Я также благодарен коллегам за то, что оказывали мне поддержку в работе, делясь мнениями, советами и приправляя их здоровой дозой шуток.

Все долгие годы исследований, послуживших основой данной книги, и все время, пока я ее писал, мне помогало множество друзей и коллег. Сергей Абашин, Бахтияр Бабаджанов, Дэвид Брофи, Альфрид Бустанов, Джефф Иден, Аллен Франк, Розалия Гарипова, Ребекка Гулд, Даниэле Гиццо, Михаэль Кемпер, Альберто Мазоэро, Насриддин Мирзаев, Александер Моррисон, Беатриче Пенати, Джеймс Пикетт, Даниэлла Росс и Уктамбек Султонов высказали проницательные замечания по различным аспектам вопросов, затронутых в книге. Улфат Абдурасулов и Том Уэлсфорд перечитали мою рукопись несколько раз (иногда прерываясь, чтобы рассказать, как кто-то выкинул из окна томик «Лолиты» Набокова, или отпуская неожиданные замечания по поводу последнего выпуска «Нью-Йоркера»). Они испытывали мой текст на прочность критикой и выслушивали мои нескончаемые монологи. Более того, они стали

мне близкими друзьями. Я хочу также поблагодарить Девина Деуиза, Никколо Пианчолу, Идо Шахара и Санджея Субрахманьяма за то, что вытаскивали меня за пределы привычных академических условностей, умышленно или непреднамеренно. Особые слова признательности предназначаются Светлане Джакессон. Путешествуя с ней между Галле, Стамбулом и Бишкеком, я научился у нее большему, чем я могу изложить здесь в краткой форме.

Я хочу поблагодарить Николетте ван дер Хук, моего редактора в издательстве Brill. Она сделала подготовку книги к публикации приятным и увлекательным опытом. Два анонимных рецензента из издательства Brill высказали полезные замечания, которые пригодились при редактировании рукописи, и я, безусловно, благодарен этим людям. Особую благодарность я выношу Алану Хартли за внимательную корректорскую работу и Беттине Хофлейтнер за подготовку карт. Я благодарю издательство Кембриджского университета за разрешение перепечатать во вступительной части книги отрывки из моей статьи «Конструирование колониальной законности в русской Средней Азии: об опеке» (*Constructing Colonial Legality in Russian Central Asia: On Guardianship // CSSH. 2014. Vol. 56. № 2. P. 419–447*). Я также благодарю издательство Brill за разрешение воспроизвести в главе 2 часть моей статьи «Санкционированная ложь: колониальные агентства и правовые гибриды в Ташкенте в 1881–1893 гг.» (*Authorized Lies: Colonial Agencies and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893 // JESHO. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 688–717*).

Наибольшей благодарности, разумеется, заслуживает моя семья. Я благодарю своих родителей Джильдо и Джованну Сартори за неустанную и безусловную поддержку и заботу. Моя дочь Катерина родилась на свет ровно в то время, когда я начал работу над рукописью. Вместе с книгой она объездила множество стран, и каждое новое место она неизменно встречала широкой улыбкой. Эдда Бенетти Плафони, ныне покойная, поддерживала мою временами снижающую бодрость духа своими незабываемыми обедами. Я посвящаю эту книгу Барбаре Плафони Сартори, ее очарованию, огромному сердцу и мечтам.

Транслитерация и терминология

Для передачи мусульманских имен и терминов я пользуюсь арабско-русской практической транскрипцией. Я не привожу предполагаемое произношение слов на персидском и чагатайском (староузбекском) языках. Кроме того, при транслитерации я не передаю различия между долгими и краткими гласными, а также не ввожу искусственные фонетические различия между гласными переднего и заднего ряда, характерные для тюркских языков Средней Азии.

Применение системы практической транскрипции осложняется тем, что для некоторых имен существует несколько орфографических норм (например, Мурад/Мурат). Я стремлюсь избегать нормативного подхода к подобным вариациям и привожу имена в той форме, в какой они появляются в архивных текстах. Однако для ясности и единообразия я делаю исключение для некоторых исламских терминов, встречающихся в русскоязычных источниках. Я привожу их транслитерацию в соответствии с *предполагаемым* арабографическим написанием (например, *мулк* и *аш-шари'а* вместо *мюлк* и *ал-шаригат*).

На протяжении книги я часто говорю о среднеазиатских исторических акторах как о «мусульманах». Слово «мусульмане» здесь обозначает население Средней Азии и главным образом используется как эмическая категория. Она не предполагает никакой автоматической религиозной или политической принадлежности. Также я никоим образом не утверждаю, что «мусульманское» население проживало в замкнутой социокультурной сфере, ограниченной четкими рамками. Как вскоре станет ясно читателям, в этой книге приводятся случаи значительных расхождений между верованиями и моделями поведения мусульман, что затрудняет эссенциалистское понимание мусульманства. Тот же подход применяется здесь к терминам «русские» и «колонизаторы».

Аббревиатуры

Архивы

- АМИКИНУз – Архив музея истории, культуры и искусства народов Узбекистана, Самарканд
- ИВРАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург
- ИВАНРУз – Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан
- МИК – Музей Ичан-Кала, Хива
- НБУз – Национальная библиотека Узбекистана им. Алишера Навои, Ташкент
- ОбАХ – Областной архив Ходжента, Худжанд
- ФБКОАНРУз – Фундаментальная библиотека Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, Нукус
- ЦГАРУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан, Ташкент

Журналы и справочные издания

- AHR – American Historical Review
- AHSS – Annales. Histoire, Sciences Sociales
- AS – Asiatische Studien
- BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies
- CAS – Central Asian Survey
- CAC – Cahiers d'Asie centrale
- CMR – Cahiers du Monde Russe
- CSSH – Comparative Studies in Society and History
- DI – Der Islam
- EIr – Encyclopædia Iranica. London; New York: Routledge & Kegan Paul, 1985–
- EI2 – Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Leiden: Brill, 1960–2004
- HLJ – Hastings Law Journal
- GAL – Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. Leiden: Brill, 1996 [1-е изд.: 1943]. 5 т. (т. G.I–II и S.I–III)
- GLR – Griffith Law Review
- IESHR – The Indian Economic and Social History Review
- IJMES – International Journal of Middle East Studies
- ILS – Islamic Law and Society
- IS – Iranian Studies
- JAS – The Journal of Asian Studies
- JESHO – Journal of the Economic and Social History of the Orient
- JFGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
- JIS – Journal of Islamic Studies
- JLP – Journal of Legal Pluralism
- JMMA – Journal of Muslim Minority Affairs
- JOAS – Journal of the American Oriental Society
- JPS – Journal of Persianate Studies
- JRAI – Journal of the Royal Anthropological Institute

JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society

Kritika – Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History

LHR – Law and History Review

LSI–Law and Social Inquiry

LSR – Law and Society Review

MAS – Modern Asian Studies

MSR – Mamluk Studies Review

PP – Past and Present

SLR – Sidney Law Review

WDI – Die Welt des Islams

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

ЖГУП – Журнал гражданского и уголовного права

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане

СВР – Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1952–1987. 11 т.

ТВ – Туркестанские ведомости

ТС – Туркестанский сборник. Собрание сочинений о Туркестанском крае вообще и сопредельных с ним стран Средней Азии / Ред. В. И. Межов. СПб.: Тип. Валашева, 1868–1917. 594 т.

Введение

Летом 1936 года узбекский писатель Абдулла Каххар (1907–1968) опубликовал в сатирическом журнале «Муштум» («Кулак») короткую новеллу под названием «Воры»¹. Сюжет рассказывает о том, как типичные мусульмане Средней Азии добивались возмещения убытков во времена царской власти. «Воры» представляют собой нравоучительное повествование о старике, который безуспешно добивается от колониальной бюрократии возвращения своего имущества – украденного вола – и оказывается в самом центре перипетий властных отношений. Сюжет новеллы прост. Старуха, «поднявшись чуть свет замесить тесто», заглядывает в хлев и обнаруживает, что пропал вол. На ее крики прибегает муж, Кабылбобо. Тотчас же он понимает, что животное увели через дыру в стене хлева. Любопытные соседи приходят поглазеть. Среди них есть яркая фигура – безносый человек с изуродованным лицом, пятидесятник (*эликбаши*), то есть главный над пятьюдесятью дворами. Именно в этом персонаже мы начинаем разглядывать контуры колониальной системы правосудия. Из разговора с эликбаши мы понимаем, что надежды Кабылбобо на восстановление собственности зависят от поддержки ряда чиновников, как узбекских, так и российских, и от их желания выслушать его историю. Следующие отрывки иллюстрируют обычный опыт колониального подданного в русском Туркестане, обратившегося за возмещением ущерба²:

Подошел сосед Кабылбобо – безносый эликбаши. Войдя в хлев, он внимательно оглядел пролом и столб, к которому привязывали вола, зачем-то покачал его, все осмотрел и, наконец, сказал гнусавым голосом:

– Никуда ваш вол не денется, найдется!

Тщательное обследование, которое произвел в хлеву эликбаши, и особенно его слова вселили в Кабылбобо надежду.

Старик заплакал.

– Да пошлет вам аллах здоровье... Вол-то был пегий...

Горячо споря о том, как, когда и каким орудием вор проломил стену, в какую сторону увел вола и на каком базаре нужно его теперь искать, люди стали расходиться. Шум утих. Жена Кабылбобо перестала плакать, и в глазах ее, устремленных на эликбаши, затеплилась надежда...

Эликбаши еще раз пошел осмотреть пролом. Сложив руки на груди, Кабылбобо, плача, последовал за ним.

– Да не плачь же ты! Говорю тебе, не плачь! – гнусавил эликбаши.

– Если твой вол не ушел за пределы земель белого царя³, он непременно найдется.

Эликбаши говорил так уверенно, словно стоит только выйти на улицу – и вол тут же отыщется. «Этому человеку – помоги ему аллах! – ведь надо что-нибудь дать за такие труды. Даром ведь и кошка на солнце не выходит. А разве мало денег потратил он на то, чтобы стать эликбаши? Одному только мингбаши [тысячнику] он принес в дар семьсот снопов клевера и годовалого жеребенка. И к тому же он ведь не получает от казны жалованья!» Кабылбобо потряс своим кошельком и вручил эликбаши все, что там было.

---

¹ Каххар А. Сказки о былом. Повести и рассказы / Пер. Абдулла Каххар. М.: Художественная литература, 1987. С. 315–318.

² В этой книге я использую словосочетания «российская Средняя Азия (или Центральная Азия)» и «русский Туркестан» как синонимы.

³ «Белым царем» жители Средней Азии называли российского императора.

Приняв подношение, тот обещал немедленно доложить о случившемся амину [старшине селения].

Вечером Кабылбобо собрался к амину. Сухая ложка, говорят, рот дерет. Сколько же денег нести амину? Для того, кто дает, и одного много, а для того, кто берет, и десяти мало. Посоветовавшись со старухой, Кабылбобо решил: этот расход последний, притом такой расход, от которого зависит возвращение дорогой пропажи. Разве можно тут скупиться?

Когда Кабылбобо предстал перед амином, тот зычно рыгнул, а затем загоготал так, что затрясся жирный подбородок.

– Что, корова пропала?

– Нет... не корова... вол... пегий вол...

– Вол?! Да ну?! Гм... пегий вол... так-так...

– Вол у меня единственный...

Амин воткнул в ноздрю полмизинца и снова затрясся от смеха.

«Воры» были опубликованы на пике антиколониального движения в раннесоветской Средней Азии⁴. Новелла сама по себе подается автором как описание былых времен. Подзаголовок «Из прошлого» (в оригинале: *йтмишдан*) предполагает, что Абдулла Каххар, выросший в имперском Коканде, стремился воссоздать в тексте культурную атмосферу, которая начала исчезать после Октябрьской революции. Действительно, в этом рассказе отражено множество представлений о колониальном правосудии, распространенных в российской Средней Азии и ставших ко времени публикации «Воров» литературными мотивами. Это и жадные безалаберные чиновники, и кафкианская бюрократическая система, вынуждающая просителей бесконечно ходить по инстанциям; начальники, приставы и переводчики описываются как обладатели огромной власти, поступающие по собственному произволу. Читая новеллу, можно подумать, что правосудие в российской Средней Азии основано исключительно на взяточничестве:

Прошла неделя. Старуха уже несколько раз ходила погадать к ворожее, «которая обладала силой, позволяющей ей открывать замки». Она отнесла ей полмешка джиды⁵, три больших чашки кукурузы и два мотка ниток.

На восьмой день Кабылбобо снова пошел к амину. У того даже волосы стали дыбом от гнева.

– Тебе что же, вола на дом доставить, что ли? Надлежит самому ходить и заявлять о себе: бедняк, приходящий с просьбой к начальству, показывает тем самым, что уважает его.

Кабылбобо посоветовался с друзьями: что же нести приставу, кроме денег? Ведь известно – пока дойдешь до него самого, спина от поклонов переломится.

Три курицы, одна из них наседка, – все скромное хозяйство Кабылбобо. Сотню яиц собрали соседи. Однако с этим подношением дальше толмача пройти не удалось. Толмач взял все, что принес старик, и обещал тотчас же «растолковать» дело приставу.

Кабылбобо стал терять надежду. Уж не напрасны ли все его хлопоты? Кто не знает, каковы эти чиновники...

Хорошо «уразумевший» дело пристав взял себе двух лучших кур и три рубля, но, к счастью, не сказал, что «доложит обо всем хакиму» [земскому

---

⁴ Общие сведения об антиколониальных движениях в Средней Азии см.: Northrop D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

⁵ Джиды (дикая маслина, лох серебристый) – растение рода *Elaeagnus*.

главе], а велел опять обратиться к амину. Амин был краток: «Ступай к элликбаши»!

Увидев Кабылбобо, элликбаши вспыхнул:

– Скажи сам, кого подозреваешь! Я ведь не святой, откуда мне знать, кто украл твоего вола. Да и вола-то небось давным-давно уже прирезали. Чем плакаться тут, сходил бы лучше к кожевникам и поглядел на шкуры. Впрочем... если шкура вола попала к кожевникам, она уже давно стала кожей. А из этой самой кожи сделали кавуши [галюши] и теперь продают их на базаре!

– О господи, горе-то какое! Бедная моя головушка, – прошептал несчастный старик.

– Да что ты в самом деле, ребенок малый, что ли? Взрослый человек, а плачешь. Есть о чем убиваться! Если бы этот вол был единственный на всем свете – дело другое. Бог даст, пропажа твоя возместится... Так уж и быть, скажу своему тестю – он одолжит тебе одного из своих волов. Разве вол – это плата за кровь человека?!

На следующий день элликбаши, позвав Кабылбобо, отправился с ним к своему тестю – торговцу хлопком Эгамберды. Купец посочувствовал старику и на время пахоты дал ему не одного, а даже двух волов, но... с одним «маленьким» условием. О том, что это за условие, Кабылбобо узнает осенью...

Несомненно, в этих литературных фрагментах опускается контекст – бюрократические институты, нормы поведения, общепринятые понятия и культурные практики. Все эти особенности будут постепенно раскрыты на страницах данной книги. Однако два аспекта этого небольшого рассказа имеют общие черты с прецедентами, лежащими в основе книги. Во-первых, это неоспоримая обыденность применения мусульманами правовых инструментов, предоставленных им Российской империей. Так, обращение к имперским властям для жителей Средней Азии было стандартной линией поведения – не только потому, что мусульмане часто пользовались системой обращений, которую принесла с собой Российская империя, но и потому, что мусульмане считали колониальное правосудие частью собственной культуры. Узбекское слово *арз*, прозвучавшее в совете амина «заявить о себе», обратиться к российским властям, Абдулла Каххар использует не случайно. Этот термин имеет долгую историю: им обозначалась еще процедура обращения к мусульманским правителям – ханам (см. гл. 1).

Во-вторых, сюжет «Воров» вращается вокруг идеи, что судебная власть находится в руках правящих индивидов, а не судебных институтов. Соответственно, возмещение ущерба больше зависит от сети межличностных властных отношений, чем от решения институциональной судебной системы. Любопытно, что в рассказе отсутствует парадигма «верховенства права», хорошо известная всем исследователям колониализма. Я осознаю всю опасность сведения права к сети властных отношений и предлагаю вместо этого провести аналитическое разграничение между правом и властью. В этой книге я уделяю большое внимание тому, как мусульмане подчинялись *правилам* колонии, интернализировали их и использовали в собственных целях. Однако в российской Средней Азии правовая культура складывалась из отношений между народом и теми, кто стоял у власти. Как мы увидим далее, именно в процессе общения с военными чиновниками, приставами, переводчиками и местными начальниками мусульмане познавали закон, правовые нормы и подчиняющийся им нравственный мир. Таким образом, российская администрация была главным проводником, с помощью которого мусульмане погружались в мир колониального права.

Как местные подданные воспринимали закон в данном колониальном контексте? Что представляло собой правовое сознание мусульман при российской власти, как оно было устроено? Как российский колониализм изменил понимание справедливости, прав и обязательств среди мусульман Средней Азии? Книга «Идеи о справедливости» пытается ответить на все эти

вопросы и, таким образом, представляет собой часть более широкого историографического проекта, цель которого – переосмысление подходов к написанию истории права и колониализма в Средней Азии.

В последние несколько десятилетий работы по истории Средней Азии XIX и начала XX века находятся ближе к исследованиям Российской империи и СССР, чем к исламоведению. Русоцентричный подход порождает множество заблуждений в господствующих нарративах о формальных и неформальных правовых институтах исламского юридического поля среднеазиатских ханств до российского завоевания в 1865 году. Данная интерпретативная тенденция приводит к ошибочному толкованию региональных проявлений исламской законности и моральных принципов мусульман. В настоящем исследовании я произвожу пересмотр исламской правовой истории Средней Азии.

Помимо этого, изучая среднеазиатские документальные материалы XIX века, мы отвечаем на несколько важных и глобальных вопросов в области права, колониализма и истории империи. В последние тридцать лет появилось множество научных работ на эту тему. Историки права и колониализма – специалисты по мусульманскому миру – теперь используют совершенно новый набор сформировавшихся за это время интерпретативных парадигм. Используемые мною интерпретативные парадигмы уходят корнями в такие исследовательские области, как постколониализм, глобальная история и правовой плюрализм, о которых речь пойдет ниже. Однако применение этих парадигм не всегда приводит к удовлетворительным результатам. Их использование может породить нарративы, которые неспособны охватить значительную часть региональной специфики, отраженной в документальных материалах (в данном случае среднеазиатских). Данное исследование приглашает познакомиться с правом в том понимании, в каком его мыслили среднеазиатские мусульмане при царской власти. Книга также предлагает задуматься о том, что при изучении права в условиях колониализма можно придерживаться множества различных интерпретаций.

Проникновение русских колонизаторов в южные регионы Средней Азии (Мавераннахр) началось с осады Ташкента в 1865 году. Далее русские войска продвинулись на юг в Кокандское ханство, захватили Самарканд и долину реки Зеравшан – и город, и река тогда находились на территории Бухарского эмирата. Следующим шагом была оккупация Бухары и Хивы, павших в 1868 и 1873 годах соответственно. Таким образом, во второй половине XIX века Российская империя стала править большей частью Средней Азии. В 1867 году было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Генерал-губернатору подчинялась военно-гражданская администрация, то есть бюрократия, руководящая местными институтами и в основном состоящая из военных чиновников и «туземцев». Как мы увидим далее, стратегией русских властей было обеспечение некоторой степени преемственности и связи с прошлым. Именно поэтому колонизаторы «сохранили» шариатские суды, локальное административное деление, местные полицейские силы и вакфы. Кроме того, Российская империя осуществляла косвенную власть над регионом, управляя Хивинским и Бухарским протекторатами, правителям которых – членам династий Кунграт и Мангыт соответственно⁶ – был предоставлен суверенитет.

Основной аргумент данного исследования состоит в том, что российский колониализм оказал влияние на правовое сознание мусульман, послужив причиной изменения восприятия жителями Средней Азии своих прав и их отношения к судопроизводству. Подобные изменения проявились как на уровне институтов, так и в области гибкости ума и моральных принципов. Во-первых, при российской оккупации мусульмане научились ориентироваться в нормативно-правовом пространстве, которое сильно отличалось от типичного юридического поля, характерного для мусульманских форм правления в регионе. Как мы увидим в главе 1, шари-

---

⁶ Для ознакомления с исследованиями российского колониализма в Средней Азии см.: *Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008.*

атское правосудие до русского завоевания находилось в руках мусульманских ханских дворцов и судей – *казиев*, как правило, выносивших приговор в соответствии с решением ханского дворца. Можно с уверенностью утверждать, что шариат в ходе судебных процессов соблюдался непоследовательно, разрешение конфликтов зависело от различных действующих лиц, а понятие «общепринятой практики» урегулирования споров отличалось от местности к местности. Тем не менее ничто в наших источниках не указывает на то, что до колонизации местное население воспринимало эти различия как разные нормативно-правовые базы. При российском правлении порядок вещей значительно изменился. Жители Средней Азии научились извлекать выгоду из правовых различий, делая выбор в пользу правовых институтов, работающих в рамках той или иной правовой системы. В русском Туркестане существовали «туземные суды», применявшие законы шариата в отношении местного населения и обычное право (*'adam*) в отношении кочевников. Помимо этого, имелись мировые и военные суды под председательством русских судей. Колониальные чиновники, в том числе военные должностные лица, также имели право вершить суд. Подобная ситуация типична для правового плюрализма, основанного на институциональных механизмах, предполагающих, что подданный-мусульманин имеет право представить свое дело в наиболее подходящий для этого судебный орган. Данная ситуация повлияла на представления местных жителей о справедливости и собственных правах, поскольку в процессе взаимодействия с разными судами они сталкивались с различными, порой диаметрально противоположными понятиями о морали. Что не дозволялось шариатом, могло быть легальным, разрешенным и даже желательным по законам Российской империи. Изменилось и поведение людей: к примеру, для жителей Средней Азии, подающих жалобу российским властям, стало нормой отзываться о мусульманском судье как о продажном, некомпетентном невежде. Помимо этого, мы наблюдаем важные изменения, связанные с землевладением, благотворительностью и опекой – правовыми сферами, немаловажными для повседневной жизни местного населения.

В данной вступительной части я рассмотрю достоинства и недостатки некоторых подходов к исследованию мусульманской правовой культуры в условиях колониализма. Я сделаю обзор научной литературы о шариате и его взаимодействии с западными империями. При этом я проанализирую две интерпретативные парадигмы, широко применяемые в данной исследовательской области: «правовой плюрализм» и «закон и общество». Затем я расскажу о своем подходе, в основе которого лежит понятие «правосознания». В последующих частях вступительной главы я рассмотрю некоторые ограничения, стоящие на пути исследований мусульманского права. Для этого я осуществлю анализ литературы о глобальной правовой истории и имперской истории России.

1. Право и колониализм

Колониализм вращается вокруг права. Этот факт подтверждает множество исторических рассуждений на широкий спектр тем: о государственности, формах общинной организации, поведении и культурном производстве. Несомненно, исследователи колониализма не раз задумывались о культурной значимости права. Однако их историографическая позиция сталкивается с существенной проблемой. Исследования права и колониализма, как правило, не могут избежать двойственности повествования. По большому счету в этой области науки принято придерживаться одной из двух лишь на первый взгляд противоположных интерпретаций. Первая предполагает описание идеологических и институциональных форм колониального правления, в рамках которых колонизированные субъекты проявляют враждебность к навязанному верховенству имперского закона, а колонизаторы активно применяют против них меры принуждения. Второй вариант интерпретации предполагает подробный анализ деятельности колонизированных субъектов⁷.

Применительно к регионам с мусульманским большинством в фокусе первого подхода находится шариат и процесс его трансформации в кодексы и своды законов⁸. При колониальном правлении наблюдается трансформация исламского юридического поля⁹. Западные империи, к примеру, претендуя на исключительное право на применение силы, ограничивали юрисдикцию казиев до так называемого закона о личном статусе, который сам по себе является колониальной правовой категорией. Помимо этого, для многих колониальных ситуаций характерен институциональный механизм, организующий мусульманских правоведов в юридическую иерархию и предполагающий, что их решения могут быть в любой момент пересмотрены в суде высшей инстанции. Такое положение дел подрывало моральный авторитет казиев. Теперь решения мусульманских судей было легче опровергнуть, инкриминировав им мнимое или реальное нарушение норм судебной практики. Многие ученые также утверждают, что кодификация шариата посредством перевода и массовой публикации предварительно отобранных мусульманских юридических источников имела неблагоприятные последствия. Эти факторы, предположительно, привели к ограниченному пониманию шариата и пересмотру его основных принципов¹⁰. Кроме того, произошли изменения и на семантическом уровне. Одним из них стала трансформация сельскохозяйственных систем: вместо принципа узурфрукта стал применяться принцип владения, то есть на смену земельному статусу пришел договор о праве собственности. Второй семантической трансформацией стала возможность высвобождения имущественных активов, входящих в вакф¹¹ (мусульманский благотворительный фонд). Третьей трансформацией является гибридизация некоторых юридических практик, например проведение исламской процедуры клятвы перед российскими мировыми судьями¹². Наконец, о

---

⁷ То же отмечает и Кольски: *Kolsky E. Introduction // LHR. 2010. Vol. 28. № 4. P. 973.*

⁸ *Buskens L. Sharia and the Colonial State // The Ashgate Research Companion to Islamic Law / Eds R. Peters, P. Bearman. Farnham: Ashgate, 2014. P. 209–221; Layish A. The Transformation of the Shari'a from Jurists' Law to Statutory Law in the Contemporary Muslim World // WDI. 2004. Vol. 44. № 1. P. 85–113.*

⁹ Общий обзор см.: *Sartori P., Shahar I. Legal Pluralism in Muslim-Majority Colonies: Mapping the Terrain // JESHO. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 637–663.*

¹⁰ Ваэль Халлак называет данный процесс энтекстуализацией (entexting). См.: *Hallaq W. Shari'a: Theory, Practice, Transformations. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 547–548; Strawson J. Revisiting Islamic Law: Marginal Notes from Colonial History // GLR. 2003. Vol. 12. № 3. P. 362–383; Giunchi E. The Reinvention of Shari'a under the British Raj: In Search of Authenticity and Certainty // JAS. 2010. Vol. 69. № 4. P. 1119–1142; Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 25, 192.*

¹¹ *Gazzini C. When Jurisprudence Becomes Law: How Italian Colonial Judges in Libya Turned Islamic Law and Customary Practice into Binding Legal Precedent // JESHO. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 746–770.*

¹² *Martin V. Kazakh Oath-Taking in Colonial Courtrooms: Legal Culture and Russian Empire-Bulding // Kritika. 2004. Vol. 5. № 3. P. 483–514.*

переломе и концептуальном сдвиге свидетельствуют мусульманские интеллектуалы, жившие в колониальную эпоху и размышлявшие о последствиях колониализма и его влиянии на исламскую правовую культуру. Ярким примером реакции мусульманских мыслителей на колониализм является распространение салафизма и сопутствующий призыв к независимой правовой аргументации (*иджтихад*) и герменевтическому эклектизму (*тахайюр*)¹³. Помимо этого, процесс деколонизации, сопровождавшийся требованием вернуть жителям бывших колоний шариат, свидетельствует о том, что структурные изменения колониального периода имели долгосрочные последствия, которые привели к изменению отношения местных правоведов к шариату. Наглядный пример тому – страны Африки к югу от Сахары: возврат к исламским судам в Нигерии повлек за собой дискуссию о границах их юрисдикции. Данный факт служит отражением того, что бывшие колониальные субъекты усвоили такое нововведение британцев-колонизаторов, как необходимость проводить границу между уголовным и гражданским правом¹⁴. Бринкли Мессик называет результат этого процесса трансформации «колониальным шариатом», тем самым фиксируя точку невозврата в нарративе о подчинении. Согласно этому нарративу, субъекты мусульманского права являются пассивными наблюдателями, против которых выступают имперские институциональные силы и механизмы производства знаний в лице ориентализма¹⁵. Пример данного подхода – работы Ваэля Халлака, где исследователь рассматривает шариат как комплекс институтов и доктринального знания. Однако Халлак, как правило, пренебрегает этическим измерением права, которое было жизненно важно для всех мусульман, а не только для наиболее эрудированных специалистов из их числа¹⁶. Можно сказать, что ученый таким образом сознательно ограничивает сферу своего исследования, но тем не менее в его работах колониальное взаимодействие предстает как сражение, в котором всегда проигрывает шариат.

Второй подход, в противоположность первому, базируется на идее правового плюрализма в широком смысле – научной школы, утверждающей, что «государственное право – не единственный источник признанного общественного порядка»¹⁷. Исследования, опирающиеся на этот подход, уделяют больше внимания взаимосвязи между правом и обществом, фокусируясь на расколах внутри империй. Деятельность подчиненных субъектов – мусульман описывается в контексте колониальных ограничений и фиксируется на нескольких уровнях. В самом общем виде последователи данного подхода утверждают, что колониальные субъекты действуют в рамках автономной культурной сферы. В последнее время оценка ограничений деятельности подчиненных субъектов в рамках колониальной правовой сферы стала более умеренной и менее радикальной. Ряд важных наблюдений по поводу неоднозначностей и пробелов в имперских правовых системах произвела Лорен Бентон. Ее работы приглашают нас к размышлению о белых пятнах и лазейках в имперском судопроизводстве. Бентон красноречиво иллюстрирует то, как бреши в системе имперского права давали подчиненным субъектам возможность удовлетворить свое чувство справедливости и добиться возмещения ущерба. Данный феномен уже давно является предметом дискуссий в научной среде. Тем не менее Бентон представляет убедительные аргументы в пользу того, что колонизированные субъекты

¹³ *Layish A.* The Transformation of the Sharī'a from Jurists' Law to Statutory Law in the Contemporary Muslim World. P. 85–113; *Brown N. J.* Sharī'a and State in the Modern Muslim Middle East // *IJMES*. 1997. Vol. 29. № 3. P. 359–376.

¹⁴ *Christelow A.* Islamic Law and Judicial Practice in Nigeria: An Historical Perspective // *JMMA*. 2010. Vol. 22. № 1. P. 185–204.

¹⁵ *Messick B.* The Calligraphic State: Textual Domination and History in a Muslim Society. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 58–66.

¹⁶ *Hallaq W.* Sharī'a: Theory, Practice, Transformations.

¹⁷ *Pirie F.* The Anthropology of Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 11. Правовой плюрализм является предметом многочисленных исследований, по большей части в области правовой антропологии. См. два недавних обобщающих обзора литературы по новой и новейшей истории: *Benton L., Ross R. J.* Empires and Legal Pluralism: Jurisdiction, Sovereignty, and Political Imagination in the Early Modern World // *Legal Pluralism and Empires, 1500–1850* / Eds L. Benton, R. J. Ross. New York: New York University Press, 2013. P. 1–17; *Sartori P., Shahar I.* Legal Pluralism in Muslim-Majority Colonies: Mapping the Terrain. P. 637–663.

сами невольно вносили вклад в политику изменения подсудности дел и ограничения юрисдикции шариатских судов, продвигаемой империями. Подданные выбирали наиболее удобную для себя юрисдикцию (Бентон называет это «правовым лавированием» – *legal jockeying*), пользуясь разницей в законах, от которой и отталкивалась имперская правовая политика. Несомненно, другие исследователи также заметили предрасположенность подчиненных субъектов к выбору наиболее удобного для себя судебного органа, однако вклад Бентон представляется в этом контексте наиболее значительным для исследований права и культуры колониализма. С ее точки зрения, правовые нормы являются не столько навязанным явлением, сколько результатом диалога между колонизаторами и колонизированными – диалога, который дал последним значительный стимул к изменениям. Подход Бентон получил дальнейшее развитие в работах Митры Шарафи, где рассматриваются неудачные попытки лавирования между правовыми юрисдикциями и демонстрируется тщетность повторного обращения в суд другой инстанции по тому же делу (Шарафи называет это «юридической лотереей»)¹⁸. Другие исследователи делают акцент на нормативных аспектах деятельности подчиненных субъектов во взаимодействии с европейскими колониальными властями. В некоторых работах обсуждается то, каким образом практики судопроизводства в колониях приводили к глубокой гибридизации правовых систем. Эффект гибридизации права, как правило, считается непредвиденным последствием колонизации и распространения верховенства права на сферы, находящиеся под контролем империи¹⁹.

Так или иначе, исследования колониализма, права и культуры приходят к одинаковым выводам. Маневрируя между правовыми юрисдикциями и выбирая каждый раз наилучший для каждого конкретного случая судебный институт, подчиненные субъекты претворяли в реальность те самые культурные предпосылки, на которых зиждился колониализм, и таким образом лишь укрепляли его. Если рассматривать деятельность колониальных субъектов в институциональной и нормативной сферах, создается впечатление, что подобный образ действий колониальных субъектов представляет собой очередное свидетельство колониальной гегемонии. Однако в данном подходе кроется следующая проблема. Оценивать поведение подчиненных субъектов в колониальных терминах – значит попасть в замкнутый круг: изучая образ действий подчиненного субъекта в рамках колониальной системы значений, мы обнаруживаем лишь то, что деятельность субъекта обусловлена, а следовательно и ограничена именно этой системой. Очевидно, данный подход предлагает весьма узкие интерпретативные возможности: подчиненные субъекты, находясь под властью колонизаторов, занимаются некоторой деятельностью, которая ускользает от влияния системы значений, навязанной хозяевами; однако по той же причине своей подчиненности субъекты могут лишь закреплять эту систему значений. В любом случае в работах на основе данного подхода прослеживается нарратив о культурных различиях²⁰, поскольку различия представляют собой как предпосылку исследования, так и вывод из него²¹.

Осознавая описанный выше риск «теоретического исчерпания» (*theoretical exhaustion*)²², Джон Комарофф отмечает наличие у множества ученых сомнений по поводу того, «можно

¹⁸ *Sharafi M.* The Marital Patchwork of Colonial South Asia: Forum Shopping from Britain to Baroda // *LHR*. 2010. Vol. 28. № 4. P. 979–1009.

¹⁹ *Hussin I.* The Pursuit of the Perak Regalia: Law and the Making of the Colonial State // *LSI*. 2007. Vol. 32. № 3. P. 759–788; *Sartori P.* Authorized Lies: Colonial Agency and Legal Hybrids in Tashkent, c. 1881–1893 // *JESHO*. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 688–717.

²⁰ *Parker K. M.* The Historiography of Difference // *LHR*. 2005. Vol. 23. № 3. P. 685–695.

²¹ Об ограничениях парадигмы сопротивления и господства см.: *Moore S. F.* Certainties Undone: Fifty Turbulent Years of Legal Anthropology, 1949–1999 // *JRAI*. 2001. Vol. 7. № 1. P. 103–106.

²² *Maurer B.* The Cultural Power of Law? Conjunctive Readings // *LHR*. 2004. Vol. 38. № 4. P. 843.

ли что-либо еще сказать на тему» права, колониализма и культуры²³. Сам ученый не разделяет подобные пораженческие настроения и утверждает, что осталось еще много недосказанного. Комарофф выделяет четыре основополагающих координаты колониального правового режима. Во-первых, «понятие „колониальный режим“ обозначает разнообразные совокупности множества практик и институтов». Во-вторых, «правовая культура была *определяющим фактором* колониального общества». В-третьих, «колонии представляли собой главные площадки социально-правовых экспериментов». Наконец, в-четвертых, «социальная напряженность внутри империи на регулярной основе сглаживалась посредством закона»²⁴.

Критика исследований Комароффа, однако, утверждает, что ученый попросту придерживается курса, который предполагает множество этнографических иллюстраций в отсутствие каких-либо концептуальных изысканий. Билл Маурер заявляет, что гораздо полезнее было бы рассмотреть, что связывает право и общество (или право и культуру). Многие отмечают, что право и культура дополняют друг друга. Однако, по Мауреру, само по себе это наблюдение не помогает прояснить, каким же образом происходит процесс, который управляет их взаимозависимостью. Салли Энгл Мерри замечает, что «стоит только признать взаимосвязь права с культурой, как становится ясно, что понятие взаимоопределения не поможет провести анализ важных вопросов власти и изменений. Данные вопросы касаются разного уровня власти различных форм права, правоприменительной деятельности, правосознания, правового регулирования и роли всех этих факторов в формировании культурных практик, а также способности культурных практик влиять на правовые нормы и воплощать их в жизнь»²⁵.

Однако, при всех прочих равных условиях, разве подобные наблюдения не приглашают нас к размышлению о социокультурных изменениях с той же позиции, с которой историки часто рассматривают прошлое? Разве само требование изучить взаимосвязь права с культурой не является призывом сосредоточиться на происходящих в обществе трансформациях, на стимулирующих и дестимулирующих факторах, определяющих повторяемость тех или иных практик, и увидеть, каким образом набор тех или иных понятий, ценностей и установок приобретает актуальность и становится традицией определенной эпохи? Для ответа на эти вопросы я предлагаю начать с простого наблюдения, что колониальное взаимодействие, как и любое другое, всегда ведет к определенным переменам. Несмотря на расплывчатый, вероятностный и фрагментарный характер колониального взаимодействия, мы можем утверждать, что краеугольным камнем колониализма являются социокультурные изменения.

При работе с такой широкой и неопределенной темой, как «изменения» в ситуации колониализма, невозможно избежать разговора об аккультурации. Появившись в 1970-е годы, концепция аккультурации позже получила развитие в виде более сложных, пусть и необязательно более точных характеристик, таких как гибридность и (транскультурный) перенос. Здесь, используя те же аргументы, что и Санджей Субрахманьям, я утверждаю, что понятие аккультурации (и вся производная терминология) является неконструктивным для нашей дискуссии об изменениях, так как оно предполагает предшествующее существование овеществляемой культуры²⁶. Для наших целей сообразнее будет исходить из предпосылки, что культурные столкновения зависят от потребности сторон во взаимопонимании и от их стремления его достичь. Особенно информативными представляются соображения, высказанные Санджеем Субрахманьямом:

---

²³ Comaroff J. L. Colonialism, Culture, and the Law: A Foreword // LSI. 2011. № 26. P. 307.

²⁴ Ibid. P. 314.

²⁵ Merry S. E. Comments on Comments // LSR. 2004. Vol. 38. № 4. P. 861–866.

²⁶ Subrahmanyam S. Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 25.

Мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, в которых нет места взаимному безразличию, отказу от коммуникации или глубокому взаимному непониманию. Напротив, эти ситуации демонстрируют терминологический сдвиг и поначалу импровизированные изменения, позже ставшие частью традиции <...> Участие колонизирующей империи и колонизованного государства в этих процессах было вполне сопоставимым (иначе и быть не могло – государства и империи не могли существовать, не замечая друг друга). <...> Как правило, происходили сближение, импровизированная подстройка и в конце концов смена относительных позиций обеих сторон. Завоевание Индии сильно изменило британцев: уже второе поколение колонизаторов сильно отличалось от предыдущего²⁷.

Таким образом, мы утверждаем, что социокультурные изменения невозможно представить как одностороннее движение вне исторического контекста, понимаемое исключительно как продукт тотального колониального воздействия. Теперь необходимо рассмотреть вопрос определения изменений в правовой сфере. Что в ней изменилось и почему? Антропологи и историки права, симпатизирующие социальным наукам, в поисках ответа будут, скорее всего, опираться на парадигму «закон и общество»²⁸. Вероятно, они проведут критический анализ форм претворения колониализма в жизнь и рассмотрят вопрос о том, каким образом воплощается взаимосвязь между правом и культурой. Именно здесь, по словам Маурера, ярче всего проявляется союз «и» в словосочетании «право *и* культура», символизирующий их взаимосвязь и взаимодополнение.

---

²⁷ Ibid. P. 29–30.

²⁸ Парадигма «закон и общество» появилась в социально-правовых исследованиях 1970-х годов как реакция на более ранние научные работы, где закон (право) рассматривался как юридическая тематика, тяготеющая к функционализму. Согласно данной парадигме, закон и общество являются взаимоопределяющими сферами; следовательно, закон следует изучать как часть сложной системы социальной жизни. Об истории и критике этой парадигмы см.: Tomlins C. What is Left of the Law and Society Paradigm after Critique? Revisiting Gordon's «Critical Legal Histories» // LSI. 2012. Vol. 31. № 1. P. 155–166.

2. Правосознание

Исследования права и колониализма испытывают сложности с тем, чтобы избежать двойственности в трактовке «различий». Существует ли альтернативный способ историзации изменений в юридической сфере? Одним из возможных вариантов будет то, что антропологи называют «эмической перспективой», – попытка взглянуть на мир, в котором живет исторический актер, с его точки зрения и реконструировать его собственный взгляд на вещи. Разумеется, эпистемологические скептики могут заявить об абсурдности любых подобных попыток, так как не существует способа точно узнать, как это было на самом деле. В конце концов, историки работают с текстами, а тексты – это артефакты, а не окна в прошлое. Обычно в документах не указывается, о чем думал тот или иной исторический актер или что он говорил в тот или иной момент. И даже если в источнике есть упоминания об этом, мы не можем быть уверены в истинности этих фактов. Мое предложение использовать эмическую перспективу, однако, связано скорее не с отношениями между письменными документами и реальностью, а с необходимостью рефлексировать по поводу эпистем, определяющих наш подход к изучению колониализма. Другими словами, если мы хотим понять действующих лиц истории и осуществляемые ими культурные практики, которые упоминаются в документах из колониальных архивов, то мы должны попробовать отделить самих людей и их практики от колониальных нарративов, к которым они приспособлены. Обязуясь в первую очередь мыслить в эмических терминах, мы получаем новые эвристические возможности. Это дает нам значительное преимущество, помогая избежать наложения исторического материала и предположений, касающихся культурных различий²⁹. Как мы увидим далее, мусульмане преследовали свои личные прагматические цели и нередко обращались в светские суды с исками, подрывающими репутацию исламских институтов.

Вне всякого сомнения, целью данной работы не является отрицание любых социальных или культурных различий, особенно в ситуации колониализма. Книга также ни в коей мере не заявляет, что различия не имеют отношения к исследованию права и колониализма. Те, кто знаком с узбекской литературой, могут вспомнить следующий эпизод из романа А. Чулпана «Ночь и день», написанного в 1936 году. Юная Зеби предстает перед военным судом по подозрению в отравлении мужа. Русский военный чиновник, председатель трибунала, требует от нее приподнять паранджу, чтобы установить ее личность. Когда переводчик объясняет Зеби, что от нее требуется, девушка решительно отказывается и заявляет, что скорее умрет, чем покажет лицо незнакомцам (*Вой, йла қолай! Шунча номахрамнинг олдиди юзимни очаманми? Ундан кйра йлганим яхиши эмасми?*)³⁰. Дальнейшие объяснения, что снятие паранджи – одно из требований суда, не приносят результатов. В конце концов, ее убеждает мулла, который говорит ей, что русские – как псы, потому что они неверные; а значит, ей дозволено открыть лицо перед российскими чиновниками так же, как она бы могла это сделать перед собакой (*Кофир билан итнинг фарқи ййқ. Итдан қочмайсиэми? Шундай бўлса, кофирдан ҳам қочмасангиз бўлади. Бу жоиз?*)³¹. Подобные картины были хорошо знакомы множеству жителей Средней Азии, живших при российском управлении. Однако даже если проявления культурных различий и ограничиваются сценами такого рода, это тем не менее не отменяет необходимости составить картину значительных культурных сдвигов в правовой сфере, что и является задачей данного исследования.

---

²⁹ Здесь я следую методу, продемонстрированному в следующей работе: Rao V. N., Shulman D., Subrahmanyam S. *Textures of Time: Writing History in South India 1600–1800*. New York: Other Press, 2003.

³⁰ Чулпан А. Кеча ва кундуз. Ташкент: Шарк, 2000. С. 264.

³¹ Ibid. P. 265.

Помимо этого, эмический подход дает нам еще одно большое преимущество. Историк, использующий эмическую перспективу, обязан анализировать сеть практик, в которых отражается мировоззрение изучаемых исторических акторов. Это означает, что эмическая перспектива предлагает составить приближенное представление о концептуальных схемах, обуславливающих поведение действующих лиц наших источников. Применительно к правовой сфере данный подход побуждает к исследованию практического значения закона в повседневной жизни. Преимущество заключается в смене эвристической перспективы: закон не просто воздействует на общество, но проистекает из социального действия. Фокус на эмической перспективе в рамках данной работы сходен с тем, что социологи Патрисия Юик и Сьюзен Силби называют «законностью» (*legality*):

Как составляющая социального взаимодействия, право – или то, что мы называем законностью, – объединяет различные ситуации, из которых оно является следствием и которые помогает структурировать. Так как законность является неотъемлемой составляющей повседневной жизни и одновременно ее следствием, то сфера существования законности охватывает такие общепризнанные феномены, как бюрократия, игры и «попросту выживание». В этих областях значимость законности неоспорима, и она явно с ними перекликается. Законность сохраняется не только за счет формальных статей конституции, законодательных статусов, судебных решений или открытых проявлений государственной власти, таких как исполнение смертного приговора. Законность существует скорее потому, что опирается на обыденные схемы повседневной жизни³².

Проницательный читатель может заметить, что я собираюсь перейти к рассуждению о субъективности правовых акторов. Другими словами, я хочу исследовать феномен того, что мы называем «правовым сознанием» (или «правосознанием»), что оно представляло собой тогда и какие изменения претерпело со временем. Под «сознанием» я здесь, однако, понимаю не критическое сознание, то есть склонность к интерпретации, которая часто встречается среди рефлексивно мыслящих интеллектуалов³³. Под «правосознанием» в данной книге я понимаю представления конкретных лиц о добре и зле в рамках судебного процесса, осознание ими собственных прав, моральную поддержку их обращения в суд, а также их личную интерпретацию окружающего морального мира. Таким образом, «правосознание» – это то, «что люди делают и говорят по поводу закона»³⁴. Данная работа опирается на значительное количество прецедентов, которые иллюстрируют формирование у людей личных убеждений и реакций, связанных с правосудием.

Некоторые могут возразить, что для историка изучение сознания исторических акторов обречено на провал: существует различие между сбором рассказов о взаимодействии с законом, изложенных людьми «своими словами», и чтением источников, которое сопровождается поиском тайных смыслов в голосах, что рассказывают об опыте взаимодействия с законом. Социолог может записать голос на диктофон и проиграть его. Историк же вынужден анализировать голоса, которые зачастую никогда и не звучали вслух, а значит, он должен довольствоваться намеками и недосказанностями. Однако если мы допустим, что с помощью герменевтики мы способны приблизиться к пониманию исходного смысла «Государя» Макиавелли или

---

³² Ewick P., Silbey S. S. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 17.

³³ Именно так понимают термин «сознание» Джин и Джон Комарофф. См.: Comaroff J., Comaroff J. *Of Revelation and Revolution: Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

³⁴ Silbey S. *Legal Consciousness // New Oxford Companion to Law / Eds P. Cane, J. Conaghan*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 695–696.

же, по Квентину Скиннеру, вложенного в эту книгу намерения (*uptake*)³⁵, есть вероятность, что мы также можем прийти к некоторым выводам, исходя из поведения акторов, изложенного в источниках. Данные выводы будут касаться личного восприятия акторами прав и обязательств, послуживших причиной их обращения в суд. Я не подхожу к текстам как к художественной литературе и не воспринимаю их исключительно как свидетельство гегемонии тех или иных познавательных практик. Я считаю, что подобные подходы, малопродуктивные с эпистемологической точки зрения, не представляют никаких преимуществ для исследователя. Вместо этого я утверждаю, что герменевтический подход может помочь нам зафиксировать подразумеваемый смысл как текста, так и отраженного в нем действия. Хотя такая фиксация не всегда возможна, все же стоит предпринять попытку.

Итак, в основе данного исследования лежит этическая перспектива. В данной работе рассматриваются два вопроса, ключевых для нашего понимания правосознания в российской Средней Азии. Во-первых, почему мусульмане приходили к тому или иному конкретному пониманию права? Во-вторых, как со временем изменялось их понимание добра и зла, правильного и неправильного? И снова не представляется целесообразным мышление в терминах навязывания или тем более аккультурации, так как оно непременно помещает поведение мусульман в телеологический нарратив о приверженности заимствованным ценностям, уступках внешним акторам и окончательном колониальном подчинении. Гегемония и ее отрицание не могут быть единственными уроками историзации колониализма. Более целесообразным представляется проведение анализа поведения мусульман сквозь призму их собственных взглядов, насколько это нам позволят лингвистические условности. Поэтому я хочу начать с общего наблюдения, что вопреки распространенному мнению о культурной устойчивости ислама многие мусульманские субъекты права воспринимали этическую непоследовательность в своем поведении как вполне допустимую, причем их поведение не воспринималось единовременцами как отступление от шариата (и тем более как его нарушение). В конце концов, мусульманин не становился менее мусульманином, будучи посаженным в тюрьму за распитие алкогольных напитков или оштрафованным за азартные игры. В основу книги «Идеи о справедливости» легли судебные прецеденты, иллюстрирующие опыт взаимодействия мусульман с законом в рамках колониального общества и их видение колониальной правовой системы как источника разнообразных возможностей. Я не хочу преуменьшать значение опыта колониализма, представляя его как процесс, управляемый лишь прагматическими силами. Несомненно, у мусульман были идеи, ценности и понятия, которыми они мотивировали свои поступки. В любом случае мусульманские современники определенных исторических событий в своих записях мало внимания уделяли культурным переменам, ведь последние были частью их повседневного жизненного опыта. Поэтому в данном исследовании мы также дистанцируемся от описания этих событий как таковых и не будем на них фокусироваться.

---

³⁵ Skinner Q. *Vision of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Vol. 1: Regarding Method.

3. Сравнительный анализ

В том, что касается колониализма и права, российская Средняя Азия имела отчетливое сходство с другими колониальными странами. Сходство заключалось в наличии нескольких правовых режимов, предполагающих в том числе использование норм права, применяемых коренным населением. Российские власти относились к юридическому разнообразию неоднородно. Как и колониальные власти других регионов мусульманского мира, они старались сохранить статус-кво, однако в то же время стремились воплотить более широкие институциональные и социальные изменения. С одной стороны, русские колонизаторы заявляли, что оставили практически нетронутым центральный принцип работы туземных судебных учреждений, где в роли председателя выступал казий, а решения выносились в соответствии с шариатом³⁶. С другой стороны, российские власти успешно провели реформу процедуры назначения на пост судьи, введя систему народных выборов. Ранее казии назначались главой мусульманского государства, теперь же, при российском правлении, они стали *народными судьями*, которые выбирались путем голосования среди местного сообщества³⁷. Кроме того, российские колонизаторы серьезно ограничили юрисдикцию исламских судов, исключив из их ведения, к примеру, дела об убийстве и разбое.

Изменения в самом определении должности казия, однако, не были связаны с исполнительными полномочиями самого исламского судьи. Во-первых, в доколониальной Средней Азии осуществление правоприменительной деятельности было прерогативой властей, то есть главы государства и его дворца. Многие случаи демонстрируют, что подданные среднеазиатского ханства могли просто отклонить решение суда (или отдельного правоведа – муфтия) и потребовать слушания в канцелярии самого хана (см. гл. 1). Во-вторых, при российском правлении среднеазиатские казии могли не только пользоваться полицейской поддержкой со стороны дежурных приставов и старейшин общин (аксакалов); они также имели право наказывать за любое поведение, которое они считали противоречащим шариату. Если в доколониальной Средней Азии казию требовалось просить санкции правящих лиц для подтверждения и исполнения приговора (см. гл. 1), то при российской власти он имел личное право, к примеру, приговорить человека к месячному заключению за употребление алкоголя (*арак ва пиву* – от рус. «пиво») или за непристойное поведение (*битарттиблик*)³⁸. В результате всего вышесказанного, хотя казии все еще присутствовали в царской Средней Азии, однако более широкое исламское юридическое поле, которое мы можем назвать шариатом и в которое были вписаны казийские суды, прекратило существование после колонизации. Причина этому – исчезновение или значительное преобразование судебных и посреднических институтов, альтернативных должности казия или дополняющих его³⁹.

Мы видим основные ограничения (и, как оказывается, возможности) российского законодательства, связанные с юрисдикцией казиев. Однако этого недостаточно, чтобы понять, каким образом колониальные формы правления изменили исламские судебные практики, как они отразились на юридической логике мусульман и насколько эти изменения коснулись пра-

---

³⁶ В этой книге я употребляю термин «шариат» как эмпирическую категорию. Таким образом, я подхожу к «исламскому праву» как к области, включающей как юридическую логику, так и культурные представления простых подданных. Похожий подход используется здесь: *Scheele J. Councils without Customs, Qadis without State: Property and Community in the Algerian Touat // ILS. 2010. Vol. 17. № 3. P. 351. Сн. 3.*

³⁷ *Sartori P. Judicial Elections as a Colonial Reform: The Qadis and Biys in Tashkent, 1868–1886 // CMR. 2008. Vol. 49. № 1. P. 79–100.*

³⁸ 06.05.1909. ЦГАРУз. Ф. I-365. Оп. 1. Д. 85. Л. 117 об.; 12.01.1908. ЦГАРУз. Ф. I-366. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.

³⁹ Более подробную разработку данной идеи см. в другой моей работе: *Sartori P. The Evolution of Third-Party Mediation in Sharī'a Courts in 19th- and Early 20th-Century Central Asia // JESHO. 2011. Vol. 54. № 3. P. 311–352.*

восознания жителей Средней Азии. Это совсем другой сюжет, и в основном он остается за кадром. Принимаясь за изучение этой обширной области, я бросаю вызов подходу, весьма распространенному среди исследователей колониального права и правового плюрализма. Данный подход состоит в отслеживании институциональных и процедурных изменений законодательства, связанного с коренным населением. В противовес этому моя книга посвящена истории правового поведения мусульман в российской Средней Азии, а не политике Российской империи в отношении исламского законодательства, применяемого в колонии. Таким образом, данная работа представляет собой важный вклад в исследование глобальных правовых режимов колониальной эпохи и, кроме того, в историю российского права в период после Великих реформ Александра II.

Согласно глобальному подходу к исследованию истории европейских империй, успех утверждения правовой гегемонии в колониях в действительности зависел от действий колониальных субъектов, которые жонглировали разными юрисдикциями для достижения личных целей. Исследователи глобальной истории раз за разом демонстрируют, насколько иронично то, что колониальные подданные, лавируя между юрисдикциями, лишь укрепляли колониальный режим и таким образом невольно ускоряли внедрение институциональных изменений⁴⁰. Примечательно, что от внимания исследователей ускользает вопрос, как новые конструкты законности и культурной значимости закона приобретали господствующее положение в сознании колониальных субъектов⁴¹. Другими словами, если в исследованиях колониализма и мировой истории закон предстает как дискурсивный⁴² и институциональный⁴³ ресурс, посредством которого колониальные подданные могут взаимодействовать с государством, то становится очень трудно объяснить, как колониальные подданные пришли к восприятию себя как правовых субъектов империи и, соответственно, персонифицировали колониальное понимание права⁴⁴. Именно изучение механизмов персонификации позволит нам отделить случаи культурного изменения от более всеобъемлющей канвы колониализма и, таким образом, пролить свет на социальную динамику, утверждающую колониальные правовые конструкты⁴⁵.

Так, историки Российской империи в большинстве своем разделяют мнение, что при царской власти среднеазиатские мусульмане имели легкий доступ к услугам «народных судов» – мусульманских судов, не претерпевших значительных изменений после русского завоевания⁴⁶. Действительно, отдельные области исламского права, такие как нотариальное оформление права собственности⁴⁷, не подверглись существенным изменениям. Однако это не должно давать нам повода предполагать, что при российском правлении мусульмане стали жить в заповеднике «дифференцированной юриспруденции»⁴⁸ или что представления мусульман об

⁴⁰ *Sharafi M.* The Marital Patchwork of Colonial South Asia...

⁴¹ Здесь я привожу аргумент С. Силби: *Silbey S. S.* After Legal Consciousness // *Annual Review of Law and Social Sciences*. 2005. № 1. P. 360.

⁴² *Newbigi E., Denault L., De R.* Introduction: Personal Law, Identity Politics and Civil Society in Colonial South Asia // *IESHR*. 2009. Vol. 46. № 1. P. 2. См. также статьи, опубликованные в следующем номере журнала *Law and History Review: Forum: Maneuvering the Personal Law System in Colonial India* // *LHR*. 2010. Vol. 28. № 4.

⁴³ *Saha J.* A Mockery of Justice? Colonial Law, the Everyday State and Village Politics in the Burma Delta, c. 1890–1910 // *PP*. 2012. № 217. November. P. 187–212.

⁴⁴ *European Expansion and Law: the Encounter of European and Indigenous Law in 19th and 20th Century Africa and Asia* / Eds W. Mommsen, J. de Moor. Oxford; New York: Berg, 1992; *Tamanaha B. Z.* Understanding Legal Pluralism: Past to Present, Local to Global // *SLR*. 2007. № 29. P. 381–386.

⁴⁵ *Riles A.* Law as Object // *Law and Empire in the Pacific: Fiji and Hawai'i* / Eds S. E. Merry, D. Brenneis. Santa Fe: School of American Research Press, 2004. P. 187–212; *Peterson D. R.* Morality Plays: Marriage, Church Courts, and Colonial Agency in Central Tanganyika, ca. 1876–1928 // *AHR*. 2006. Vol. 111. № 4. P. 983–1010; *Chatterjee N.* Muslim or Christian? Family Quarrels and Religious Diagnosis in a Colonial Court // *AHR*. 2012. Vol. 117. № 4. P. 1101–1122.

⁴⁶ См. обзор литературы в следующем разделе.

⁴⁷ *Sartori P.* Colonial Legislation Meets Sharī'a: Muslims' Land Rights in Russian Turkestan // *CAS*. 2010. Vol. 29. № 1. P. 43–60.

⁴⁸ *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 412.

исламском праве, мусульманские правовые практики и судопроизводство сохранились неизменными, то есть такими же, как до колонизации.

В данной работе я стремлюсь показать, что чем пристальнее мы вглядываемся в политику колониальной Средней Азии, тем более очевидно, что эти сюжеты едва ли поддаются интеграции в «великую доктрину» («grand narratives») ⁴⁹ о Российской империи и тем более в повествование о «глобальных правовых режимах» ⁵⁰. Историки Российской империи и исследователи глобальной истории, возможно, захотят тем не менее поместить собранные истории в широкий контекст, сформировать из них несколько последовательных нарративов о законе и империи или же о моделях структурирования правовых институтов в странах мира. Однако, как я подозреваю, данный метод чреват созданием предписывающих (то есть основанных на сложившихся традициях), но не репрезентативных историй, влечет за собой ошибки идентификации и интерпретации, а также может привести к игнорированию социальной важности изменений, внесенных российской колонизацией в сферу правосознания мусульманских сообществ в отдельном регионе ⁵¹.

Существует искушение приписать особую историческую важность сплывающим силам, стоящим за историей российского права и глобальной историей закона и колониализма в целом. Не поддаваясь этому соблазну, я отказываюсь от «восстановления „децентрализованных“ нарративов о людях, не имеющих власти» ⁵², и не намереваюсь искать в жизни населения Средней Азии признаки культурного сопротивления и контргегемонного поведения. В данной книге я не придерживаюсь марксистского прочтения среднеазиатских источников. Вместо этого я предлагаю сфокусироваться на социальной ткани Средней Азии, отследить новые генеалогические связи и корреляции в сфере колониализма и права ⁵³. Таким образом мы дополним ряд интерпретаций, применяемых в сфере исламского права как славистами, так и исследователями мировой истории.

Читатель может возразить, что я чрезмерно усложняю и так многомерную картину, вступая в дискуссию с исследователями российской и глобальной истории. Однако любому ученому, который интересуется социокультурными изменениями в области права в мусульманской колонии при российской власти, необходимо участвовать в диалоге с мировой историей и историей империй. Несмотря на желание продолжать рассматривать две упомянутые дисциплины как самостоятельные области науки, становится все сложнее помещать хронологию империй Нового времени вне контекста глобальных исторических взаимосвязей ⁵⁴.

3.1. Глобальные правовые режимы: взгляд из Средней Азии

Историография права в империях эпохи колониализма в последнее время все чаще становится историографией глобальных правовых режимов. Данный аналитический сдвиг связан с тем, что конфликт юрисдикций стал рассматриваться как неотъемлемая часть трансимперского правового порядка. Кроме того, анализ предполагает связывание подробных повест-

---

⁴⁹ См. манифест издателей журнала *Kritika*: *The Imperial Turn* // *Kritika*. 2006. Vol. 7. № 4. P. 706.

⁵⁰ *Benton L.* *Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History: 1400–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 3.

⁵¹ Г. Балачандран рекомендует сделать шаг назад от «глобального» к «региональному»: *Balachandran G.* *Claiming Histories beyond Nations: Situating Global History* // *IESHHR*. 2012. Vol. 49. № 2. P. 267; *Scheele J.* *Smugglers and Saints of the Sahara: Regional Connectivity in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 12.

⁵² *Bayly C. A.* *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Malden, MA: Blackwell, 2004. P. 8.

⁵³ Подробную иллюстрацию данного подхода см.: *Lewis E. B.* *Frontier as Resource: Law, Crime, and Sovereignty on the Margins of Empire* // *CSSH*. 2013. Vol. 55. № 2. P. 241–272.

⁵⁴ *Ghosh D.* *Another Set of Imperial Turns?* // *AHR*. 2012. Vol. 118. № 3. June. P. 772–793.

вований о колониальных судебных разбирательствах с мировой историей международного права, которая при этом рассматривается как текучий и расщепленный процесс, не структурированный целиком вокруг определенных институциональных моделей⁵⁵. Одна из идей, диктуемых данным подходом, гласит, что иерархические структуры правосудия формировались в империях как реакция на растущую напряженность колониальной обстановки. Соответственно, колониальные правовые системы не просто служили отражением наступательного имперского проекта, навязывающего жителям завоеванной области новый набор институтов. Вернее будет сказать, что «великая правовая гегемония»⁵⁶, утверждаемая империями, рассматривается в рамках данного подхода как результат интенсивной политики разграничения юрисдикций, которая влияла как на имперское правительство, так и на колониальных субъектов. С одной стороны, маневрирование субъектов между юрисдикциями в ходе колониальных споров стимулировало конкуренцию между различными властными иерархиями. С другой стороны, институциональные механизмы государства снабдили колониальных субъектов местами урегулирования споров, где можно было предъявлять собственные претензии и достигать личных мелкомасштабных целей⁵⁷. Лорен Бентон совершенно справедливо заявляет, что политика разграничения юрисдикций является неотъемлемой составляющей любой колониальной культуры⁵⁸, так как колониальные субъекты, усваивая определенные стратегии и извлекая выгоду из правовой помощи, предоставляемой государством, лишь способствуют закреплению культурных условий имперского правления⁵⁹. Можно довести данный аргумент до крайности и утверждать вслед за Бентон, что создание в колониях таких институциональных механизмов, как народные суды, или применение правовой категории *terra nullius* (ничейная земля), «являлось реакцией на условия правового управления колониями и отвечало характерным особенностям порожденных им конфликтов»⁶⁰. Именно поэтому, например, голландцы в Капской колонии создали суды по делам коренных народов после вынесения приговора колонисту, который убил женщину из коренного населения. Представляется, что местные жители, обращаясь в суд, невольно сами способствовали установлению колониальной гегемонии⁶¹.

Данный подход напоминает историкам о якобы стройном и последовательном характере правовых культур империй, который декларируется в литературе по политической теории и юриспруденции. Между тем такие работы чаще всего оторваны от самой практики отправления правосудия. Памфлеты, фельетоны и формулировки законов не вполне способны отразить институциональное многообразие империй, в то время как в повседневной правовой *практике* оно было очевидно. Расширение прав собственности могло быть вполне оправданным в метрополии; однако эту меру трудно совместить с колониальным угнетением и экономической эксплуатацией (см. гл. 3). Таким образом, данный подход напоминает, что следует проявлять осторожность, интерпретируя сюжеты о колониальном праве. Предполагается, что эти сюжеты могут вовсе не представлять собой лучший вариант развития империи – в противоположность всем заявлениям имперских философов, законодателей и политиков. Возможно, и существует некоторая корреляция между ситуациями в колонии и метрополии, однако имперские режимы, по всей видимости, характеризуются полным отсутствием коммуникации между различными слоями имперской администрации. Данный подход может побудить нас к критическому переосмотру роли проекта «государственности» в деятельности колониальных чиновников.

---

⁵⁵ *Benton L.* Law and Colonial Cultures... P. 3.

⁵⁶ *Benton L.* Law and Empire in Global Perspective: Introduction // AHR. 2012. Vol. 117. № 4. October. P. 1094.

⁵⁷ *Benton L.* Law and Colonial Cultures... P. 3.

⁵⁸ *Ibid.* P. 13.

⁵⁹ *Ibid.* P. 148–149.

⁶⁰ *Ibid.* P. 168.

⁶¹ *Ibid.* P. 180–182.

Лишь сравнительный анализ правовых практик нескольких имперских держав позволит нам выделить общие модели институциональной организации, которые в любом другом случае мы бы приняли за уникальные в культурном отношении экземпляры. В этой связи особо полезны работы Бентон, призывающие исследователей колониализма не только обращать внимание на похожую колониальную политику других империй, но и всегда помнить, что «модели политической реорганизации внутри государств согласованы с усилиями вновь возникающих государств по обеспечению признания в качестве легитимных международных акторов»⁶². Таким образом, Бентон акцентирует внимание на международном контексте, в рамках которого империи не только конкурируют за власть, но и постоянно заимствуют друг у друга правовые практики. Микросюжеты о политике разграничения юрисдикций в колониях станут понятнее, если мы не будем отталкиваться в наших рассуждениях от империй как статичных объектов, а вместо этого попробуем отследить текучую геометрию глобальной истории. Поиск связей между прецедентами из колониальных архивов не обязательно приведет к тому, что мы сможем воспроизвести культурную географию империй. Результат будет иллюстративен лишь в сочетании с исследованием прецедентов международной правовой практики.

Читателю предстоит самостоятельно решить, является ли глобальный исторический подход иллюзорным или убедительным, порождает ли он больше ошибочных представлений, чем развенчивает. Так, «верховенство закона» в колониях реализуется в силу необходимости, путем проб и ошибок, а не в соответствии с великим планом метрополии⁶³. В то же время это не означает, что агентность свойственна лишь тем коренным элитам, которые представляются сторонниками колониальных нововведений, связанных с разграничением подсудности дел (и могут извлечь из них определенную выгоду). Один из примеров – Лагос при британском правлении, где колониальные власти игнорировали призывы к формальному признанию исламских судов⁶⁴. В 1894 году британцы воспользовались прагматической уловкой, состоящей в отказе от любых переговоров с исламскими судами. Несколько лет спустя, в 1912 году, мусульманские *originaires* (коренное население) Мали, а именно жители городов Каес и Медина, были поставлены перед фактом издания указа, по которому дела африканцев передавались под юрисдикцию судов обычного права. Вследствие этого местные жители теряли возможность отдавать гражданские дела на рассмотрение казиев⁶⁵. И в Лагосе, и в Мали формальный отказ от признания мусульманской нормативно-правовой базы являлся также актом утверждения институциональной гегемонии. Таким образом, колониальное управление реагировало на процессуальную неоднозначность, ликвидируя подчиненные судебные органы, а не гарантируя их право на судопроизводство⁶⁶.

Другие сюжеты демонстрируют, что напряженные ситуации в колониях могли и не повлечь за собой никаких значительных изменений в том, что касается судопроизводства. Лора Столер приводит в пример дело об убийстве на Восточной Суматре, где работники плантаций (в основном этнические гайо и малайцы) систематически подвергались жестокому обращению. Один из чиновников, расследовавших убийство, помощник представителя-резидента Франс Карл Валк, в отчете отметил, что рабочие, «не зная, где требовать правосудия, вероятно, взяли власть в свои руки и отомстили убийством»⁶⁷. Реконструируя дело о кровной мести, Валк

⁶² Benton L. Law and Empire in Global Perspective: Introduction. P. 1098.

⁶³ Benton L. Law and Colonial Cultures... P. 168; Comaroff J. L. Colonialism, Culture, and the Law...

⁶⁴ Makinde A. K., Ostien P. Legal Pluralism in Colonial Lagos: The 1894 Petition of the Lagos Muslims to Their British Colonial Masters // WDI. 2012. № 52. P. 51–68.

⁶⁵ Sherekis R. From Law to Custom: The Shifting Legal Status of Muslim Originaires in Kayes and Medine, 1903–1913 // Journal of African Studies. 2001. № 42. P. 261–283.

⁶⁶ Еще один пример – судьба казиев в Пенджабе при британском правлении, см.: Ivermee R. Shari'at and Muslim Community in Colonial Punjab, 1865–1885 // MAS. 2013. Vol. 47. № 5. P. 1–28.

⁶⁷ Stoler A. L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Commonsense. Princeton: Princeton University Press,

невольно проливает свет на культуру жестокости нидерландских плантаторов. Поиск истины стоил ему карьеры. Его отчеты были разбросаны по гаагским архивам и забыты, а убийство было вменено в вину политически ангажированной толпе, подстрекаемой мусульманами из провинции Аче. Очевидно, гайо и малайцы, вместо того чтобы обратиться с жалобой к окружному чиновнику, пошли с оружием на колониальных хозяев, решив самостоятельно свершить правосудие. Причиной такого решения был уровень власти, которым обладали плантаторы, и неверие колониальных субъектов в «рудиментарную судебную систему»⁶⁸. По словам Валка, когда малайцы пожаловались на то, что плантатор бил их ногами, им действительно было предложено обратиться к главе окружной администрации за защитой⁶⁹. Соответственно, совершая нападение на плантаторов, работники знали о существовании законной альтернативы насилию и принимали на себя ответственность за возможные последствия убийства колонизаторов.

Как показывает малайский прецедент, в случае конфликта колониальные субъекты вынуждены выбирать между двумя опциями: обращением к иностранным властям или вооруженным протестом против колонизаторов. Возникает вопрос: не является ли колониальная гегемония неизбежным следствием, четко предопределенным институциональным сценарием колониального господства? Было ли у европейцев подспорье более сильное и действенное, чем претензии на власть над колониальными подданными, под которые не подведено никаких оснований? Западные державы оставили за собой прерогативу судебного пересмотра решений мусульманских судей во всех регионах с мусульманским большинством. Колонизаторы, вместо того чтобы предоставить колониальным субъектам возможность дифференцированной юриспруденции, организовывали суды второй инстанции, чтобы укрепить собственную власть. Соответственно, введение судов по делам коренных народов в колониях, вероятно, представляет собой бюрократическое решение, разгружающее колониальную администрацию, страдающую от нехватки кадров: в ином случае документы попросту скапливались бы в управлениях. Кроме того, эти суды, очевидно, обеспечивали все юридические полномочия для вынесения решений по делам коренных народов, которые бы иначе оставались без рассмотрения из-за слепых пятен и неувязок в правовом аппарате колонии. Важно принять во внимание те версии истории, которые учитывают вклад колонизованных субъектов в колониальные правовые режимы и при этом не упускают из виду институциональную асимметрию, лежащую в основе этих режимов, и утверждаемые ими формы господства.

Я не решаюсь рассматривать модели поведения в колониях через призму передачи административных знаний от одной империи к другой. Почти в каждом мусульманском регионе при колониальном правлении западная администрация обращалась к особым пособиям по исламскому праву, доступным в переводе. К примеру, одним из таких пособий был «Мухтасар» Халиля ибн Исхака. Это юридический труд маликитского мазхаба, которого придерживается большинство мусульманских сообществ в Магрибе (в Ливии и Тунисе) и в Африке к югу от Сахары (в Мали и Мавритании). Начиная с 1850-х годов французы выпустили несколько аннотированных переводов «Мухтасара», которые несколько десятилетий спустя были применены итальянским апелляционным судом в Ливии при рассмотрении дел, связанных с мусульманским законом о личном статусе; то есть французский перевод «Мухтасара» стал официальным юридическим источником Триполитании под властью итальянцев⁷⁰. Тот факт, что французские судебные органы поделились переводом данного юридического пособия с итальянскими соседями, не подразумевает, что оба колониальных государства придерживались схожей поли-

---

2009. P. 215–216.

⁶⁸ Stoler A. L. *Along the Archival Grain*. P. 209.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Renucci F. *Le juge et la connaissance du droit indigène. Éléments de comparaison entre l'Algérie et la Libye aux premiers temps de la colonisation // Le juge et l'Outremer. Médée ou les impératifs du choix / Eds B. Durand, E. Gasparini. Lille: Centre d'Histoire Judiciaire, 2007. Vol. 3. P. 211–226.*

тики в отношении судопроизводства. По словам Клаудии Гаццини, «в отличие от французов, итальянцы в Ливии никогда не занимались проектом кодификации, так как их предыдущие попытки осуществить этот замысел в Эритрее окончились провалом – возможно, из-за отсутствия местных экспертов в данной области права»⁷¹. Это указывает на то, что империи, собирая информацию внутри собственных административных границ, не обязательно следовали примеру других международных игроков. Кроме того, бюрократы часто ссылались на заслуживающие доверия прецеденты с целью приобрести легитимность в глазах начальства или общества. К примеру, на русский язык была переведена «Ал-Хидайя»⁷² – исламское юридическое пособие, избранное британцами в качестве правовой базы для слушания по делам мусульман в Индии. Однако факт перевода не означает, что деятельность среднеазиатских правоведов ограничивалась предписаниями данного текста⁷³ и не доказывает того, что российские чиновники действительно опирались на этот источник при пересмотре дел. Фрагментарность картины колониальной правовой политики не позволяет нам четко установить причинно-следственные связи. Поэтому мы не можем выяснить, повлияла ли популяризация отдельного юридического пособия на результаты решения исламских судов⁷⁴ или же она попросту дала колониальным судьям и юридическим специалистам возможность более строго толковать шариат⁷⁵. Мышление в терминах глобальных режимов может лишь исказить картину, где проекты трансформации еще далеки от окончательной формы.

История Средней Азии XIX века, одной из самых густонаселенных колоний Российской империи, не поддается попыткам интеграции в историю глобальных правовых режимов. Завоевав казахскую степь, имперские чиновники стали активно претворять в жизнь доктрину о землепользовании, подобную режиму *terra nullius*. Как и британцы в Австралии, царская администрация заявила, что группы скотоводов, населяющие степь, не являются владельцами земли, на которой живут. Несмотря на шаткое основание, данный постулат сыграл ведущую роль в проведении реформы землепользования у казахов-кочевников и способствовал ослаблению позиций землевладельческого класса. Разрабатывая доктрину, наделяющую казахов и скотоводческие группы в основном лишь правом узурфрукта⁷⁶, царские чиновники создали незави-

⁷¹ Gazzini C. When Jurisprudence Becomes Law: How Italian Colonial Judges in Libya Turned Islamic Law and Customary Practice into Binding Legal Precedent // JESHO. 2012. Vol. 55. № 4–5. P. 749.

⁷² О популяризации данного текста с целью кодификации англо-магометанского права см.: Travers R. Ideology and Empire in Eighteenth-Century India: The British Bengal. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 123; Giunchi E. The Reinvention of Shari'a under the British Raj: In Search of Authenticity and Certainty // JAS. 2010. Vol. 69. № 4.

⁷³ Несомненно, «Ал-Хидайя» входила в программу «традиционного» исламского образования среднеазиатских медресе. Однако местные правоведы опирались также на десятки других исламских текстов, представляющих равнозначную важность. «Ан-Нукайя», также известная как «Мухтасар ал-Викайя фи масаил ал-Хидайя» (автор – Убайдуллах ибн Мас'уд Садр аш-Шари'а ас-Сани (ум. 1346)), приобрела такую популярность в Средней Азии, что комментарий к ней (*шафх*) был переведен на фарси в период раннего Нового времени; см.: Idrisov A., Muminov A., Szuppe M. Manuscripts en écriture arabe du Musée regional de Nukus (République autonome du Karakalpakstan, Ouzbékistan). Fonds arabe, persan, turki et karakalpak. Rome: Istituto per l'Oriente S. A. Nallino, 2007. P. 108–109.

⁷⁴ Согласно наблюдениям Гислен Лидон, «Мухтасар» Халилия ибн Исхака был наиболее цитируемым юридическим пособием в мусульманских судах Сенегала при французском правлении. См.: Lydon G. Droit islamique et droits de la femme d'après les registres du Tribunal Musulman de Ndar (Saint-Louis du Sénégal) // Canadian Journal of African Studies. 2007. Vol. 41. № 2. P. 298.

⁷⁵ В Нигере «предпочтение, отдаваемое французскими должностными лицами кодифицированному праву, стремилось сдвинуть правовой дискурс в сторону маликитского права, уже доступного в письменном виде»: Cooper B. M. Marriage in Maradi: Gender and Culture in a Hausa Society in Niger, 1900–1989. Portsmouth, NH: Heinemann, 1997. P. 38. Согласно Беньямину Соаресу, подобные процессы также происходили при колониальном правлении в современном (до 1960 года. – Примеч. пер.) Мали: Soares B. The Attempt to Reform Family Law in Mali // DWI. 2009. Vol. 49. № 3–4. P. 403.

⁷⁶ [Крафт И. И.] Положение об управлении в степных областях // Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Тип. П. Н. Жаринова, 1898. С. 103, 108 (с. 119–120, 125); Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулиеатинский уезд. Ташкент: Тип. В. М. Ильина, 1915. С. 54–55; Материалы по киргизскому землепользованию района реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Тип. В. М. Ильина, 1915. С. 100. См. также: Campbell I. W. Settlement Promoted, Settlement Contested: the Shcherbina Expedition of 1896–1903 // CAS. 2011. Vol. 30. № 3–4. P. 425.

симую базу этнографических и административных знаний, не копируя политику других колониальных держав.

Земельное законодательство, введенное царскими чиновниками в оседлых районах русского Туркестана, также не имело под собой основы в виде какой-либо юридической литературы, имевшей хождение в сетях колониальных правовых режимов. Вопреки мнению Екатерины Правиловой⁷⁷, законы, номинально закреплявшие за крестьянами право узфурукта, были продуктом исключительно российского ориентализма. Данная законодательная инициатива никоим образом не является результатом перевода на русский язык Оттоманского кодекса («Маджалла») или же руководств, написанных немецкими ориенталистами. Очевидно, что при составлении законов для оседлого населения использовалась не только выборочная исламская юридическая литература, но и информация, полученная на месте от индивидов, знакомых с ханскими административными практиками. Это и составляло информационную базу колониальных чиновников в Туркестане (см. гл. 3)⁷⁸.

Российские колонизаторы принесли в оседлые сообщества мусульманской Средней Азии юридическую иерархию, санкционировав работу казийских судов и переименовав самого казия в «народного судью». Подобный ход событий наблюдался во французском Алжире, однако российскую ситуацию нельзя назвать калькой с Алжира. Российская империя действительно внимательно следила за деятельностью Франции и время от времени обменивалась с ней разведанными⁷⁹, однако нельзя сказать, что она последовала французскому примеру. Данное институциональное решение полностью находилось в русле российских административных практик, впервые опробованных в Крыму и позже примененных на Кавказе⁸⁰. Ни одно из требований, адресованных жителями Средней Азии царским властям, не было когда-либо удовлетворено российскими чиновниками. При этом, как мы увидим в главе 2, российские чиновники обращались за юридической поддержкой к муфтиям практически каждый раз, когда собирались предпринять институциональные нововведения, и, как правило, муфтии охотно предоставляли им свою помощь.

3.2. Имперский правовой режим

Глобальный подход к истории права усложняет наше понимание среднеазиатского региона XIX века. Однако имперский фон, на котором обычно помещают историю региона, представляется не менее сложным. Несмотря на то что историки права и исследователи колониальной истории давно заняты изучением вопроса правового разнообразия в колониях, правовая история периферийных регионов Российской империи и тем более ее колоний попала в фокус внимания ученых не так давно⁸¹. На сегодняшний день доступно лишь несколько отдельных

---

⁷⁷ *Pravilova E.* The Property of Empire. Islamic Law and Russian Agrarian Policy in Transcaucasia and Turkestan // *Kritika*. 2011. Vol. 12. № 2. P. 361–366.

⁷⁸ Российские законы распространялись на землю, которая ранее принадлежала среднеазиатским мусульманским полициям и называлась амляк. Слово «амляк» является калькой с арабского термина «амлак», заимствованного из административного жаргона Бухарского эмирата и обозначавшего «государственную землю» (см. гл. 3). Если бы законодотворцы ориентировались на оттоманскую «Маджаллу», они бы воспользовались другим термином (например, мири или арази-йи мамлакат); см.: *Mundy M., Smith R. S.* Governing Property, Making the Modern State: Law, Administration and Production in Ottoman Syria. London: I. B. Tauris, 2007.

⁷⁹ *Werth P.* Changing Conceptions of Difference, Assimilation, and Faith in the Volga-Kama Region, 1740–1870 // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / Eds J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 178; *Haule S.* «...us et coutumes adoptees dans nos guerres d'Orient». L'expérience colonial russe et l'expédition d'Alger // *Cahiers du Monde russe*. 2004. Vol. 45. № 1–2. P. 292–320.

⁸⁰ *Дингельштедт Н.* Заметки: судебное преобразование в Туркестане // *ЖГУП*. 1892. № 9. С. 5.

⁸¹ *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism. Richmond, UK: Curzon, 2001; *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002; *Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier. Montreal: McGill-Queen's Press, 2002; *Kemper*

исследований, посвященных Средней Азии и описывающих российский имперский проект, связанный с правами коренных народов. Данные описания представляют собой комбинацию сюжетов о спорадическом и осторожном приспособлении к местным нормам и нарративов о постепенном и последовательном влиянии имперских норм на местные. Роберт Круз усматривает в российском администрировании исламского права стремление сохранить «преимственные связи с прежними практиками»⁸² и утверждает, что русские власти избегали «введения институциональных инноваций, которые могли бы спровоцировать мусульманское сопротивление»⁸³. Ученый утверждает, что российские власти последовали примеру своих мусульманских предшественников (ханов и эмиров), став арбитрами в религиозных спорах⁸⁴. Интерпретация, предложенная Крузом, верна по своей сути. Однако за нарративом о статичном, мягком приобщении к новым нормам она скрывает от нас важные разрывы с доколониальными правовыми практиками. В частности, Круз опасным образом упускает тот факт, что российские власти имели несколько другой образ мышления, чем ханы, и что взаимодействия между российскими колониальными властями и их подданными были основаны на предположении о безнадёжной коррумпированности местной правовой системы, существовавшей до завоевания. Данное предположение очевидным образом повлияло на способ выражения идей о справедливости, которым пользовалось местное население. Особенно явным это становится, если учесть, что взаимодействие между жителями Средней Азии и российскими колонизаторами не обязательно следовало дискурсивным моделям, характерным для взаимодействий между местными сообществами и мусульманскими правителями. Теперь жители Средней Азии могли напрямую обращаться к властям, не следуя жесткому кодексу нотариального этикета, которого придерживались писцы во времена ханов. Переписывание образцов платежных документов, актов и официальных писем было обязательной практикой сохранения и передачи знаний, которой обучали в медресе. Благодаря этой деятельности язык писцов (*муниши*) изобиловал формулами и дежурными фразами, которые делали общение между ханом и его подданными лаконичным и максимально формальным. Такие конвенциональные письменные языковые практики уже не подходили для царской администрации, где сборщики информации интересовались подробностями дела и описанием событий⁸⁵. Соответственно, появились новые сценарии и тропы⁸⁶, вследствие чего местным жителям не составило трудности угождать российским властям, испытывавшим неприязнь к формам закона, принятым у коренных народов.

Появился новый класс посредников, который помогал взаимодействию жителей Средней Азии с колониальными властями. Подобно большинству коренных представителей местной администрации – так называемой «живой стене» (*living wall*)⁸⁷, – эти люди населяли пограничное культурное пространство: они еще не были колонизаторами, но уже стояли ступенью выше среднего мусульманина, ближе к административным знаниям и бюрократическим ресурсам. Так, местные жители получили возможность нанимать русских поверенных, хорошо осведомленных в имперском праве. Такие личности, как Антон Глаз, были известны на весь регион за умение искусно маневрировать между юрисдикциями и представлять в разном свете правовой статус подзащитных. Представляя интересы некоего Файзыбая Батибаева в деле о неуплачен-

M. Herrschaft, *Recht und Islam in Daghestan: Von den Khanaten und Gemeindebünden zum ġihād-Staat*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005; Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*.

⁸² Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. P. 273.

⁸³ Ibid. P. 258.

⁸⁴ Ibid. P. 259.

⁸⁵ Однако из этого не следует, что у местных правителей не было причины требовать точной информации о мире, которым они правили. См.: Sartori P. *Seeing like a Khanate: On Archives, Cultures of Documentation, and 19th-Century Khorezm* // JPS. 2016. Vol. 8. № 2. P. 228–257.

⁸⁶ О том, каких сценариев придерживались подданные британских колоний, см.: Peterson D. R. *Morality Plays: Marriage, Church Courts, and Colonial Agency in Central Tanganyika, ca. 1876–1928* // AHR. 2006. Vol. 111. № 4.

⁸⁷ Morrison A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910...* P. 149.

ном долге, Глаз, будучи на грани проигрыша, подал апелляцию на решение народного суда, в которой заявил, что его клиент – казах-христианин, а следовательно, поскольку он не мусульманин, его дело должен рассматривать русский суд. Когда Файзыбая пригласили в областное управление, он сказал правду – что является узбеком (сартом), урожденным мусульманином, и соблюдает законы шариата⁸⁸. Военные чиновники, которым довелось быть свидетелями изворотливости Глаза, пришли к выводу, что «видя, что законным путем выиграть и даже затянуть дело нельзя, решил затянуть дело путем нелегальным». Неудивительно, что военные чиновники, понимая, сколько сложностей могут принести такие поверенные, развернули дискуссию о том, разрешать ли этим людям представлять местных жителей в народных судах⁸⁹.

Также существовал контингент переводчиков, или толмачей, ярко описанный в рассказе Абдуллы Каххара. Эти люди тоже выступали в важной роли посредников между местными истцами и имперскими должностными лицами. Колонизаторы обладали слабым знанием среднеазиатских языков. Их сильная зависимость от переводчиков стала тяжелым бременем для имперской администрации⁹⁰. Как европейские, так и местные свидетели не упускали случая упомянуть недобросовестное поведение переводчиков. С одной стороны, такие отзывы могли представлять собой попытки жаловаться на недостатки колониальной бюрократии; с другой стороны, осуждение переводчиков было распространенным мотивом, с помощью которого авторы старались угодить определенной аудитории. Такой аудиторией могли быть противники имперской политики надстраивания новой системы на базе старых институтов; этим читателям бы больше понравилось, если бы бюрократия активнее вмешивалась в повседневные дела местных институтов⁹¹. В Туркестанском генерал-губернаторстве, где письменная форма коммуникации играла существенную роль, военные чиновники сплошь и рядом пользовались услугами переводчиков. Как мы увидим в главе 4, заметки на полях перевода часто становились незаменимыми для того, чтобы чиновник, читающий документ, понял (запутанный юридический) контекст написанного. Этим легко объяснить карьерный взлет таких культурных посредников, как переводчики⁹². К примеру, Александр Кун⁹³, первооткрыватель «архива хивинских ханов», обязан своим знанием придворной культуры Кунградского ханства (и другой информации о Хорезме) своему помощнику и переводчику из коренных жителей, Мирзе Абдурахману. Сотни и сотни прошений дают понять, что множество имперских чиновников были вынуждены обрабатывать целую лавину бумаг⁹⁴; Арндаренко⁹⁵ лаконично характеризует такую ситуацию как «канцеляризм». Этими бумагами их снабжали такие служащие, как Мирза Абдурахман. Именно они брали на себя большую часть рутинной работы по переводу с чагатайского и персидского языков на русский⁹⁶.

⁸⁸ Начальник Кураминского уезда в Сыр-Дарьинское областное правление. Август 1885. ЦГАРУз. Ф. I-17. Оп. 1. Д. 4082. Л. 31–31 об.

⁸⁹ Там же. Л. 30.

⁹⁰ Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910... P. 148–150.

⁹¹ Лыкошин Н. С. Казии (народные судьи): бытовой очерк оседлого населения Туркестана // Русский Туркестан. Ташкент: Тип. «Русский Туркестан», 1899. Сб. 1. Приложение к газете «Русский Туркестан». С. 95–96.

⁹² Один из примеров – Мирза Раджаб Абдужаббаров, всю жизнь проработавший переводчиком в комендантском управлении в Джизаке. Он получил несколько орденов, включая орден Св. Анны. См. послужной список Абдужаббарова: ЦГАРУз. Ф. I-17. Оп. 1. Д. 2850. Л. 31–32.

⁹³ Александр Людвигович Кун – востоковед, которому мы обязаны «открытием» архива хивинских ханов в процессе российской осады г. Хивы в 1873 году. Кун также провел подробное исследование имущественных отношений и финансовых практик в Хорезмском оазисе при правлении династии Кунградатов. Подробнее см.: Azad A., Yastrebova O. Reflections on an Orientalist: Aleksandr Kuhn (1840–1888), the Man and His Legacy // IS. 2015. Vol. 48. № 5. P. 675–694.

⁹⁴ Нил Лыкошин предполагает, что приставы, к примеру, были просто завалены прошением (6–12 тысяч прошений в год): Лыкошин Н. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1916. С. 33–34, 38.

⁹⁵ Арндаренко Г. А. Досуги в Туркестане, 1874–1889. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889. С. 174.

⁹⁶ Иногда переводчики набирались из коренных жителей, окончивших русские школы. См., например, дело некоего Сайта Акбергенова, в которое вложен его аттестат об окончании в 1912 году Педагогического института г. Перовска с оценками:

Кроме того, сами коренные жители охотно обращались в имперские правовые инстанции, применяющие российское право. Это оказало негативное влияние на традиционные исламские институты. Яркие примеры тому – упразднение вакфов и обход местными жителями исламского закона о наследстве. Несмотря на утверждения, высказанные Кружом, мусульмане Средней Азии воспринимали русскую администрацию не как руководителей «Дома ислама», а как жалкую горстку людей, которыми можно манипулировать, как заблагорассудится. Как я собираюсь продемонстрировать в книге, российские колонизаторы, заняв место ханов, не для того взяли на себя обязанность вершить правосудие, чтобы сохранить нетронутой новую для себя институциональную среду. Русские власти сделали это, чтобы основывать свои решения на мусульманском понимании правосудия, что позволило бы им формировать общемусульманское понимание законности в регионе.

В то же время Александр Моррисон делает акцент на том, что реформа мусульманских судебных органов привела к распространению сутяжничества в местных сообществах. Моррисон помещает свое объяснение этой реформы в более широкий институциональный контекст колонии, в которой проживают представители государства, выражающие открытое недовольство шариатскими судами и выступающие за окончательный отказ от этой системы. Тем самым ученый стремится показать, что военные чиновники управляли Средней Азией со здоровой долей прагматизма, и российские власти в конечном счете сохранили даже те правовые системы, к которым испытывали глубокую неприязнь. Моррисон характеризует политику Российской империи в Средней Азии, в том числе политику в отношении исламского права, как «непреднамеренно благоприятствующее игнорирование»⁹⁷. Данная интерпретация также требует корректировки. Изменения в различных сферах исламской юридической практики, от пышной судебной казуистики до рутинной работы нотариусов, лишь в редчайших случаях могут быть замечены сразу. Тем не менее грандиозный колониальный проект трансформации исламского права, несомненно, бросался в глаза. К примеру, очевидно было, что на смену правовым институтам, где вместе работали казии, доверенные представители и судебные исполнители, пришли «народные суды», где мусульманские судьи действовали без критически важной помощи посредников, а порой даже в одиночку. До завоевания шариатские суды были встроены в институциональный контекст – они подчинялись канцелярии (*диван*) и кабинетам ханских представителей (*ясавулов, аминов, махрамов*). Данный контекст предоставлял шариату защиту, которая подошла к концу с приходом российской власти. Казии и другие эксперты по правовым вопросам теперь большую часть времени занимались тем, что избегали злославленных (и часто безосновательных) обвинений во взяточничестве и должностных преступлениях⁹⁸.

Совершенно иную картину демонстрирует работа Вирджинии Мартин, посвященная обычному праву у степных кочевников. Основной аргумент Мартин гласит, что русские законодатели и административные чиновники с энтузиазмом поддерживали колониальный догмат о «верховенстве закона», веря, что сближение⁹⁹ между обычаем, представлявшимся в виде низшей нормативно-правовой базы, и высшей имперской правовой системой, то есть законом, может способствовать формированию «гражданственности»¹⁰⁰ у коренных народов империи. Мартин уделяет особое внимание цивилизаторской задаче российских властей и трансформации локальных правовых практик. Для успешного внедрения имперского права эти процессы

ЦГАРУз. Ф. I-17. Оп. 1. Д. 2059. См. также послужной список Иссыма Аскарлова, окончившего Ташкентское городское училище в 1912 году: ЦГАРУз. Ф. I-36. Оп. 1. Д. 6083. Л. 2.

⁹⁷ Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910... P. 291.

⁹⁸ См. гл. 2.

⁹⁹ О понятии сближения см.: Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910... P. 35, 98, 284.

¹⁰⁰ Martin V. Law and Custom in the Steppe... P. 4, 43. См. также: Werth P. Changing Conceptions of Difference, Assimilation, and Faith in the Volga-Kama Region, 1740–1870. P. 170, 184–185.

должны были пройти мирным путем. В воображении российских законодателей жители колоний, вступив в контакт с царской правовой системой, тотчас же должны были отказаться от своих примитивных нравов и принять законы империи. Таким образом, Мартин делает акцент на имперский идеалистический призыв «управлять примером». Кроме того, исследователь утверждает, что российские власти, вовлекая жителей Средней Азии в кодификацию местных обычаев, фактически содействовали изменениям в применении обычного права. Согласно Мартин, фиксация обычного права в письменной форме означает существенные изменения его социальной значимости. Однако, помещая в центр внимания перевозносимую многими доктрину «управления примером» и уделяя внимание исключительно процессу кодификации права, она упускает из виду тот факт, что российские чиновники напрямую участвовали в судебных разбирательствах по делам местных жителей, таким образом утверждая собственное видение правосудия. На сегодняшний день нет четких свидетельств того, как результаты кодификации использовались в судебных разбирательствах и как они повлияли на повседневные практики залов суда¹⁰¹.

Противоречия становятся очевидными, когда мы сопоставляем нарративы о преемственности и благоприятствующем игнорировании с тезисом Мартин о том, что в области процессуального права намечались пусть и постепенные, но изменения, так как империя активно прилагала к этому усилия. В то же время Джейн Бурбанк в своем нарративе об инклюзивном правовом плюрализме государства объединяет, казалось бы, противоречащие друг другу линии: поиск компромиссов и глубокую трансформацию. Синтез, представленный в ее работе, демонстрирует образ русской политики – московской автократии, которая, раскинувшись по всей Евразии, обеспечила разнообразные этнические группы и религиозные сообщества пространством дифференцированной юриспруденции. Цитируя Бурбанк, «российский имперский правовой режим, основанный на государственном распределении прав и обязанностей среди дифференцированных сообществ, создал условия для включения в основные практики управления даже самых низших субъектов. <...> Российская система признания коллективных прав обеспечила подданных империи правовыми рамками для связи с государственной системой, наделила их правами на выполнение базовых социальных функций под защитой закона и позволила им разрешать некоторые вопросы локальной, но при этом существенной важности с санкции государства»¹⁰².

Тезис Джейн Бурбанк о дифференцированной юриспруденции базируется на концепции «обычая». Это остаточная категория, охватывающая своды правовых норм, не относящиеся к имперскому праву. Кроме того, данный термин часто встречается в правовой терминологии Российской империи¹⁰³. Бурбанк предполагает, что официальное признание обычного права, то есть нормативно-правовой базы коренного населения, на Кавказе, в Сибири и Средней Азии обеспечивает существование отдельного коллективного правового поля. С российской точки зрения империя представляла собой дом для всех людей, имеющих собственные обычаи. Согласно данному пониманию, сообщества, прибегавшие к дифференцированной юриспруденции, могли самостоятельно распоряжаться своей жизнью, находясь под охраной всеохватывающей автократии. Это, по-видимому, было большим преимуществом подданства Российской империи: поскольку государство привязывало подданных к таким идентификационным

¹⁰¹ По требованию российских властей казахи подготовили обзоры своих норм права, которые должны были использоваться как юридические прецеденты при рассмотрении последующих дел. Однако данные правовые компендиумы, по всей видимости, были составлены с тем расчетом, что их будут читать, истолковывать и, возможно, использовать исключительно иностранцы – то есть российские чиновники. До сих пор нет ни одного доказательства, что казахи пользовались данными кодексами хотя бы в одном случае применения обычного права. Я кратко рассматриваю этот вопрос здесь: *Sartori P. Murder in Manghishlaq: Notes on an Instance of Application of Qazaq Customary Law in Khiva // DI. 2012. Vol. 88. № 2. P. 217–257.*

¹⁰² *Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika. 2006. Vol. 7. № 3. P. 400.*

¹⁰³ Репрезентативную параллель представляет французский подход к обычному праву в Северной Африке. См.: *Scheele J. A Taste for Law: Rule Making in Kabylia (Algeria) // CSSH. 2008. Vol. 50. № 4. P. 895–919.*

ярлыкам, как сословие и вероисповедание, каждый человек помещался в определенную категорию подданства и, следовательно, прикреплялся к сообществу определенной юриспруденции. Коренные жители Сибири, в соответствии с обычаем обладавшие правами на сибирскую землю, обращались с жалобами в волостной суд, как и русские крестьяне. В соответствии с тем же принципом кавказские и среднеазиатские мусульмане должны были обращаться к казиям.

История Российской империи показывает, что формирование в ней множественных правовых режимов в большой степени объясняется реальной политикой (*Realpolitik*) расширения государства на юг и на восток. Интеграция была обязательным условием, которое старались воплотить в жизнь чиновники и губернаторы, поставленные властвовать над неправославными народами. Оставление за местным населением права на самоуправление, а следовательно, утверждение устоявшихся правовых практик сыграло важную роль для установления власти в регионе, получения доходов и поддержания относительного мира на окраинах.

В главе 2 я представлю критику некоторых аспектов тезиса, предложенного Бурбанк. Я утверждаю, что данная имперская политика лишь в течение короткого времени применялась в российской Средней Азии. Это становится очевидным, если мы изучим, как государство расширяло область вмешательства в сферу исламского права. Здесь оно также было вынуждено организовать режим правового плюрализма. Судопроизводство определялось законами, основанными на конфессиональных различиях: русские соблюдали общие законы империи, оседлым коренным народам предлагалось обращаться за юридическими услугами в шариатские суды, а кочевники следовали постановлениям судов обычного права.

Однако российские власти не просто наделили мусульман самоуправлением. На протяжении всей истории колонизации Средней Азии прозвучало немало официальных призывов к вмешательству и реформам. Эта тенденция достигла кульминации в 1913 году, когда в законопроекте об упразднении народных судов было предложено заменить шариатские суды мировыми судьями¹⁰⁴. В то время российские чиновники, не согласные с режимом плюрализма, активно обсуждали идею *ассимиляции*¹⁰⁵.

Я не буду обращаться к документальным свидетельствам, оставленным комиссиями по упразднению шариата, для того чтобы бросить вызов аргументации имперского правового режима. В конце концов, Российской империи так и не удалось избавиться от шариата на своей территории. Вместо этого я хочу обратить внимание на некоторые практики формального применения закона, демонстрирующие то, как российская бюрократия взаимодействовала с исламским правом и пыталась его изменить. В российской Средней Азии существовало два уровня колониальной интервенции. Один из этих уровней был введен *ex officio*; именно он стал источником первых изменений на институциональном и юридическом уровнях. Российская политика провозгласила асимметрию между законами империи и исламским правом, в первую очередь проведя границы применения шариата. Положения, введенные в Туркестане, гласили, что суды имперского права обладают исключительной юрисдикцией в отношении широкого спектра уголовных и гражданских дел мусульманского населения. Этот спектр главным образом включал в себя преступления против государственных властей, русских колонистов и христианской веры. Однако также предполагалось, что в судах имперского права должны слушаться дела частных лиц об убийствах, похищениях и изнасилованиях, а также дела о преступлениях против собственности частных лиц, незаконном захвате, поджоге, разбое, грабеже, хищении казенного имущества и подделке официальных документов. Новые законы существенно сузили юрисдикцию шариатских судов, ограничив ее нарушениями закона о личном статусе и несколькими уголовными преступлениями, такими как кража, побои и богохульство. Вопрос юрисдикции обострился, когда мусульмане научились маневрировать внутри различ-

---

¹⁰⁴ Аноним [Махмуд Ходжа Бихбуди]. Кази ва бийлар хаккинда лайиха // Айина. 1913. № 5. С. 106–108.

¹⁰⁵ Проект упразднения народных судов в Туркестанском крае. 1913. ЦГАРУз. Ф. I-36. Оп. 1. Д. 6009. Л. 166 об.

ных правовых сфер и настаивать, чтобы их дела были заслушаны по законам империи. Это также касалось дел, связанных с законом о личном статусе, а также вопросов наследства и вакфов.

Российское вмешательство в исламское право не остановилось на ограничении полномочий исламского судьи. Колониальные власти также пытались внести изменения в шариат на уровне процессуального законодательства, напрямую участвуя в разрешении споров. Одна из ключевых инноваций заключалась во введении колонизаторами системы судебного пересмотра. В соответствии с этой новой системой мусульмане могли подать апелляцию на решение шариатского суда, обратившись с прошением в уездное управление. Решение суда в этом случае подвергалось проверке со стороны съезда мусульманских правоведов, однако процесс пересмотра контролировался исключительно русскими бюрократами. Практика составления юридических заключений, бумажная волокита между управлениями, скептицизм при слушании дел – все это служило подспорьем для попыток российских колонизаторов изменить понимание добра и зла с точки зрения исламского права.

Чтобы значительно изменить сферу правосудия у мусульман Средней Азии, требовалось также повлиять на восприятие исламского права самими мусульманами. В этом проекте российские власти добились успеха: им удалось убедить мусульман в том, что те могут выражать собственные идеи о справедливости и несправедливости. Российские чиновники настойчиво подталкивали местных жителей к этой мысли. Они давали населению понять, что колониальному правительству важно знать о возможной недобросовестности казиев и нарушении ими судебной процедуры. Серьезно относясь к любому заявлению о несправедливости, исходящему от мусульман, российские власти надеялись, что возможность подачи апелляции на решение исламского суда скомпрометирует всю исламскую правовую систему.

Пересмотр решений судов исламского права представлял собой скорее повседневную бюрократическую задачу, чем отстраненные теоретические выкладки. Более того, в бюрократических практиках не всегда прослеживался единообразный строгий подход к понятию «хорошего» и «плохого» шариата. Таким образом, внутри колониальной администрации Туркестана существовали разногласия – особенно по поводу будущего исламского права в регионе. Несмотря на это, практика пересмотра решений казийских судов неотвратимо повлекла за собой тот факт, что люди стали терять веру в компетентность казиев и задумываться о возможности упразднения должности народного судьи. Именно практика пересмотра решений казиев стала точкой столкновения двух главных бюрократических машин колонии. Уездное управление стремилось влиять на работу шариатских судов напрямую, в то время как областное управление обычно стояло на защите автономии шариатских судов. Обычно в этой борьбе побеждало областное управление во главе с военным губернатором. Окончательному упразднению шариатских судов мешали серьезные разногласия среди высших чиновников. Военные губернаторы Сыр-Дарьинской и Ферганской областей считали отмену шариатских судов преждевременной, в то время как главы Семиреченской и Самаркандской областей открыто поддерживали это решение. Интересно, что те высшие должностные лица, что выступали против окончательного закрытия шариатских судов, были сторонниками радикальных реформ: они предлагали сделать (военные) окружные суды второй инстанцией для обжалования дел мусульманского населения¹⁰⁶. Вероятно, губернаторам было известно, что апелляция в органы военной юстиции в 95 % случаев оканчивалась отменой решения, вынесенного казием¹⁰⁷. Предложение двоих военных губернаторов сигнализирует о том, что они высоко ценили опыт, накопленный русскими чиновниками к 1913 году за всю историю пересмотра деятельности судов исламского

---

¹⁰⁶ ЦГАРУз. Ф. I-36. Оп. 1. Д. 6009. Л. 163 об. – 164, 169 об.

¹⁰⁷ Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910... P. 269.

права. С точки зрения глав Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, знания о шариате, собранные колониальными бюрократами, не должны были кануть в Лету.

4. Источники

Те, кто изучает право, колониализм и мусульманский мир, склонны рассматривать казийские суды как уникальное место правоприменения – место, где можно обнаружить изменения правовой культуры (или их отсутствие). По-видимому, историки руководствуются здравым смыслом, выбирая суды в качестве репрезентативных индикаторов колониального правового господства и пытаясь создать на основе судебных документов надежную информационную базу. Правовое разнообразие часто требовало приспособления государственного закона к альтернативным правовым системам, принятым у коренного населения, определения (и последующей корректировки) границ юрисдикций, а также согласования процессуальных связей между конкурирующими юрисдикциями. Соответственно, вполне понятным представляется стремление исследователя сконцентрировать анализ на конкретных примерах судопроизводства¹⁰⁸. Тем самым я не стремлюсь объявить данный подход совершенно нерелевантным. Однако, рассматривая казийские суды в такой оптике, исследователь рискует прийти к предположению, что до колонизации казии выполняли ту же монополистическую функцию в сфере правосудия, что и после имперского правления.

Как будет показано в главе 1, ситуация в Средней Азии в эпоху российского завоевания значительно отличалась от вышеуказанного предположения. Именно в этот период мы наблюдаем четкую иерархию власти, в рамках которой полномочиями по осуществлению правосудия целиком и полностью обладали мусульманские правители, в то время как казии выступали при них в качестве скромных советников по вопросам права. В узбекских ханствах первой половины XIX века казии не отправляли правосудие автономно как независимые судьи, а проводили слушание по делу лишь после получения указаний от канцелярии правителя, перед которой они и отчитывались. В этой системе правосудие осуществлялось правителем и имело более авторитарный характер, чем решения, выносимые казиями: последние можно было оспорить. В следующем деле женщина, пострадавшая от побоев, сперва обратилась к начальнику (хакиму) местности Ходжа-Или (современного Каракалпакстана). Хаким повелел служителю привести обе стороны к городским казиям. Когда ответчик признал нанесение побоев, судьи поручили женщине – доверенному лицу осмотреть тело истицы и оценить степень повреждений. Осмотр показал различные травмы, и казии проконсультировались с муфтием, который затем вынес решение в пользу истицы и приговорил ответчика к телесному наказанию. Когда казии уже собирались привести в исполнение решение юриста, ответчик усомнился в авторитете судей и покинул суд. Ниже приведен текст судебного доклада, перевод:

Да будет известно славному Ясавулбаши Ага, да приумножится сила его, что женщина именем Ханифа-бика, из махалли Ширин в [районе] Ходжа-Или обратилась к хакиму и заявила, что ее муж, Садык, незаконно причинил ей побои, нанеся телесные повреждения. [Хаким повелел] ясавулу пойти [в селение], найти мужа и привести обе стороны к нам [казиям Ходжа-Или]. Позже, когда мы допросили мужчину, он признал нанесение побоев; затем мы поручили верующей и благочестивой женщине как доверенному лицу осмотреть упомянутую, и это доверенное лицо известило нас, что поистине имеются следы телесных повреждений в различных местах. Затем мы решили, что [проблему] этой женщины следует рассмотреть как судебное дело. Когда мы приводили в исполнение решение муфтия и собирались наказать

---

¹⁰⁸ Данный подход повсеместно применяется в статьях следующего сборника: Muslim Family Law in Sub-Saharan Africa: Colonial Legacies and Post-Colonial Challenges / Eds S. Jeppie, E. Moosa, R. Roberts. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.

[ответчика] по законам шариата, он встал, сказал: «Нет!» – и вышел. Вот все, что произошло в нашем присутствии; никаких денежных вопросов [не обсуждалось]. Событие было записано¹⁰⁹.

Правосудие в доколониальной Средней Азии, таким образом, вращалось вокруг системы прошений, сводящей вместе население и представителей ханского дворца на местах. Это предполагает, что колониальные подданные, по крайней мере в колониях с мусульманским большинством, обладали всем необходимым, чтобы обращаться с жалобами к колониальным хозяевам. По этой причине архивы колоний переполнены прошениями местных жителей¹¹⁰. Становится ясно, что значительные изменения в мусульманском правовом сознании легче отследить, изучая повседневную деятельность колониальной бюрократии и институтов среднего уровня, а не записи шариатских судов. Именно здесь выходит на поверхность опыт, не скованный юридическим языком, которым пользовались казии. Поэтому в своем исследовании я опираюсь именно на эту источниковую базу. При этом источники, которые я использую в данной книге, являются выходными документами колониальной администрации в самом широком смысле, так как администрация включала в себя «народные» институты: суды, вакфы, школы и махалли, которые оставили после себя значительную базу документов (в основном юридических) на чагатайском и персидском языках. Кроме того, я опираюсь на источники периода XVI – начала XIX века для сравнения. Данный материал является в основном арабо- и персоязычным, и его я подробно рассматриваю в следующих главах.

В данной книге я опираюсь на исламские юридические тексты: документы об имущественных правах, фетвы, решения суда и судебные доклады. При этом я не считаю, что арабографические источники более «полезны», чем русскоязычные, в силу отражения ими локальных письменных практик. Несомненно, они необходимы для понимания локальной системы знаний. Однако «туземные» источники не обладают большей аутентичностью, чем любые другие тексты – в том числе документы, написанные людьми, не являющимися коренными жителями Средней Азии. Форма записи едва ли влияет на аутентичность текста. К тому же нельзя сказать, что полученная из арабографических источников информация о прошлом и о людях, живших в определенное время, более достоверна, чем информация из источников с другой формой записи. Кроме того, юридические документы, на каком бы языке они ни были, не открывают окон в прошлое. Поэтому при любой возможности я *комбинирую* русскоязычные источники с источниками на арабском, персидском и чагатайском языках в попытке охватить взглядом различные представления о правосудии, которые, с моей точки зрения, характерны для мира колониальной Средней Азии.

---

¹⁰⁹ Логически можно заключить, что доклад относится к началу XX века: ЦГАРУз. Ф. I-125. Оп. 1. Д. 498. Л. 29.

¹¹⁰ Данный факт ставит под сомнение предположение, что местные обращались с жалобами в колониальные суды, а не к бюрократической машине колонии. См.: *Merry S. E. Colonial Law and Its Uncertainties // LHR. 2010. Vol. 28. № 4. P. 1068.*

5. Содержание книги

Данная книга представляет собой одновременно эксперимент и методологический компромисс, так как она преследует две цели. Во-первых, она стремится воссоздать институциональный контекст, порядок судопроизводства и модели потребления закона в период, предшествовавший колонизации Средней Азии. Во-вторых, книга представляет собой попытку отследить изменения в мусульманском правосознании жителей русского Туркестана.

Глава 1, опираясь на концепцию П. Бурдьё, представляет шариат как юридическое поле, то есть как пространство действий различных институтов и акторов, в центре которого находится ханский дворец и суд. В главе 2 показывается, как русское вмешательство в юридическое поле шариата привело к институционально-дискурсивной перестройке. Здесь я демонстрирую, как жители Средней Азии перенимали колониальный взгляд на исламское право как на деспотичную систему правосудия, молчаливо соглашались с восприятием казиев как непоправимо коррумпированных элементов и таким образом способствовали делегитимизации шариата как единственного источника мусульманской легальности. Здесь я также показываю, насколько быстро мусульмане усвоили новые нравственные ориентиры, внушенные российскими властями. Местные жители все чаще становились игроками на правовом поле и приобретали практический опыт подачи исков по злему умыслу. В главе 3 подробно рассматривается имущественное право при российском правлении. Здесь описывается переход от режима узурфрукта к режиму земельной собственности и соответствующая смена исламского правового словаря, связанного с вопросами имущества. Глава 4 продолжает дискуссию об имущественных отношениях и показывает, что изменения правосознания привели к тому, что мусульмане стали подавать в суд на такие исламские институты, как вакфы – мусульманские благотворительные фонды. В главе 5 я анализирую юридический жанр фетвы. Я показываю, что колонизация исламского юридического поля была для мусульман фрагментированным опытом, находящимся на пересечении множества тонких юридических моментов. Исследуя составление фетв в различных бюрократических контекстах, я демонстрирую, что новые юридические практики в колониальную эпоху продолжали сосуществовать с более ранними. Кроме того, глава показывает, как такое положение дел порождало конкурирующие, а подчас и противоречащие друг другу определения шариата как морального мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.